

Не надо быть пророком, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов и для наших потомков самый спор о ее целесообразности будет казаться столь же странным, каким представляется теперь для нас вопрос о необходимости и справедливости колесования или сожжения преступников.

Н. С. Таганцев

ФИЛОСОФЫ И ПУБЛИЦИСТЫ ¹⁾

В. С. Соловьев О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Соловьев Владимир Сергеевич (1853-1900) — русский религиозный философ, поэт, публицист и критик, сын историка С. М. Соловьева. После речи против смертной казни в марте 1881 г. (в связи с убийством Александра II народовольцами) был вынужден оставить преподавательскую работу.

В 80-е годы проповедовал идеи объединения Востока и Запада через воссоединение церквей, боролся за свободу совести, против национально-религиозной дискриминации. В 90-е годы занимался философской и литературной работой, переводил Платона.

В своей философской системе пытался соединить христианство, платонизм и немецкую классическую философию. Правду на земле понимал как абсолютное воплощение в жизнь идеалов христианства. Считал, что союз русского самодержавия с римским папой может способствовать всеобщему благоденствию. Идеи Вл. Соловьева оказали влияние на Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и Е. Н. Трубецкого.

См.: Вл. Соловьев. Избранные произведения в двух томах. М., 1988.

Учреждение смертной казни есть последняя важная позиция, которую варварское уголовное право (прямая трансформация дикого обычая) еще отстаивает в современной жизни. Дело можно считать решенным. Все более и более редееет еще недавно густая толпа защитников, которую собрал кругом себя ветхий полуистлевший идол, еле держащийся на двух подбитых и глиняных ногах: на теории возмездия и на теории устрашения.

¹⁾ Статьи из сборника "Против смертной казни" (под ред. М. Н. Гернета), М., 1906 (2-е издание — 1909).

В любопытной сравнительно-статистической таблице, которую проф. Н. С. Таганцев приводит из книги Гетцеля, наглядно представлен быстрый прогресс науки относительно этого вопроса. Гетцель, сочинение которого по этому предмету отличается библиографической полнотой, берет всю известную ему (западную) литературу о смертной казни за столетие с лишним (от появления знаменитой книги Беккариа *Dei delitti e delle pene* ²⁾ и до 1869 года). Оказывается, что во второй половине XVIII века число защитников смертной казни еще было значительным и несколько превышало число ее противников (первых — 61, вторых — 45), но уже с начала XIX века устанавливается обратное отношение, которое за первую половину этого века выражается в таких цифрах: на 79 защитников уже 128 противников, а затем в эпоху, современную Гетцелю ³⁾, число противников (158) втрое с лишним больше числа защитников (48), причем нужно заметить, что к числу последних Гетцель с немецкою *Billigkeit* ⁴⁾ относит и тех криминалистов, которые, отрицая в принципе смертную казнь, допускают ее сохранение на практике как временную меру. Если не останавливаться на 1869 году, то результат был бы еще более блестящим. Так, у нас в России, после смерти Баршева и Лохвицкого, не осталось ни одного криминалиста с некоторым именем в науке, который бы защищал смертную казнь.

Этому прогрессу в науке или в теоретическом правосознании соответствует такой же прогресс в жизни или в юридической практике, законодательной и судебной. Во-первых, поразительно сокращается самый объем приложения смертной казни по закону или число тех родов и видов преступлений, за которые полагается эта кара. Еще в конце XVIII века (перед революцией) во Франции, например, сумма таких криминальных категорий была 115 (в том числе контрабанда, протестантская проповедь, блуд при духовном родстве, печатание и сбыт запрещенных книг), уже по *Code penal* 1810 года ⁵⁾ она сократилась до 38, а затем еще значительно уменьшилось по законам 1832 и 1848 годов. В Германии и Австрии по кодексу Карла V, действовавшему и в XVIII веке, смертной казни подлежали 44 рода преступных деяний (между ними сочинение пасквилей, порча межевых знаков, двоебрачие, кража плодов и рыбы), а в настоящее время смертная казнь сохраняется только в двух случаях: при преднамеренном убийстве и при посягательстве на жизнь императора. В Англии по статутам, действовавшим еще в начале XIX века, число всех подлежавших смертной казни родов и видов правонарушений с различными казуистическими подразделениями выражается чудовищной цифрой: 6789, которая кажется несколько менее изумительною, когда мы узнаем, что смертной казни по этим законам подлежали между прочим: порубка деревьев, увечье чужого скота, воровство свыше одного шиллинга при некоторых отягчающих

²⁾ «О преступлениях и наказаниях».

³⁾ XIX век. — *Прим. ред.*

⁴⁾ Зд.: дотошностью.

⁵⁾ Уголовный кодекс.

обстоятельствах, простое воровство в 5 шиллингов, кража писем, злостное банкротство, угрозы на письме, окрашивание серебряной монеты в золотую или медной в серебряную и т. п.

С первых лет XIX века начинается в Англии фактическое, а затем и законодательное ограничение этой уголовной безмерности; особенно быстро пошло дело в первой половине царствования королевы Виктории, и после коренного пересмотра статута в 1861 году от 6789 случаев остается только два: государственная измена и убийство. С тех пор предложение о совершенной отмене смертной казни неоднократно вносилось в парламент и принятие его, уже имевшее большинство в одной парламентской комиссии, есть только вопрос времени. Вполне отменена смертная казнь законодательным путем: в Румынии с 1864 года, в Португалии с 1867 года, в Голландии с 1870 года и в Италии с 1890 года. В Швейцарии, отмененная по Конституции 1874 года, она была через пять лет законодательно восстановлена в 8 из 25 кантонах, но и здесь остается на практике почти без применения. В России законодательное движение против смертной казни началось раньше, чем в других государствах, но не пошло прямым путем к ее полной отмене, как в только что названных странах. Хотя за преступления против общего права эта казнь не назначается с самого начала царствования императрицы Елизаветы Петровны, но более ста лет она сохранялась фактически и притом квалифицированная — под видом тех чрезмерных телесных наказаний, которые имели неизбежным своим последствием, а иногда и предуказанной целью — мучительную смерть преступника. После отмены этого рода истязаний, в царствование императора Александра II, смертная казнь и фактически, и по закону исчезла у нас из общего порядка юстиции и осталась карательной мерой лишь для случаев особого, исключительного порядка, разумея здесь исключительность как в смысле криминальном (политические преступления), так и в смысле процессуальном (судимость военными судами). Эта специальная подсудность может иметь своим основанием или военное звание судимого в связи с особыми требованиями военной дисциплины, или военное положение данной местности в данное время, или, наконец, чудовищный и исключительно опасный характер данного преступления.

Кроме все больших и больших законодательных ограничений прогресс в этом деле можно усмотреть из чрезвычайного уменьшения числа смертных приговоров вообще и приговоров исполненных в особенности. В прошлые века, несмотря на малочисленное сравнительно население, в каждой из европейских стран ежегодное количество казнимых смертью исчислялось тысячами. Так, в Англии за последние 14 лет царствования Генриха VIII было казнено около 72 000 человек, следовательно, средним числом более 5000 в год. За все царствование королевы Елизаветы (1558 — 1603) было казнено свыше 89 000, то есть около 2000 в год. В начале XIX века, несмотря на значительно увеличившееся народонаселение, тысячи ежегодных казней заменяются сотнями и десятками: за двадцатилетие (1806 — 1825) было

казнено 1614 человек, следовательно, по 80 в год (в частности, в 1813 году казнено 120 человек, а в 1817 — 115 человек), а в царствование Виктории годовые цифры казни колеблются между 10 и 38. Во Франции еще в двадцатых годах XIX века среднее число казненных в год было 72, но в тридцатых уже только 30, в сороковых — 34, в пятидесятых — 28, шестидесятых — 11, в семидесятых тоже 11, в восьмидесятых — только 5. В Австрии среднее годовое число в шестидесятых годах — 7, а в семидесятых — только 2.

«А потому, — справедливо заключает проф. Таганцев рассуждение об этом предмете в своих лекциях, — не надо быть пророком, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов, и для наших потомков самый спор о ее целесообразности будет казаться столь же странным, каким представляется теперь для нас вопрос о необходимости и справедливости колесования или сожжения преступников».

Но пока это желанное и близкое будущее еще не наступило, пока этот остаток варварства не исчез совсем из законодательства и юридической практики большинства европейских стран, нельзя оставлять общественное сознание без постоянных напоминаний об этом тягучем позоре, и хотя бы новый опыт его нравственно-юридического освещения был тысяча первым или тысяча вторым, он не может считаться лишним.

Рассматривая ниже воззрение на уголовное наказание как на воздаяние злом за зло, мы обратили внимание только на два крайних конца этого воззрения — на *terminus a quo* ⁶⁾: первобытный, грубый обычай кровной мести, связанный с родовым бытом, и на *terminus ad quem* ⁷⁾: схоластически отвлеченную «абсолютную» теорию равномерного возмездия. Но есть еще в уголовно-правовом развитии третий элемент, давно утративший в этой области прямое практическое значение, не лишенный, однако, скрытого влияния на умы консервативного направления, и именно по вопросу о смертной казни.

Не подлежит никакому сомнению, что отдельность норм и учреждений политико-юридических от норм и учреждений религиозных есть факт сравнительно поздний, а первоначально эти две области сливались между собою, что порождало явления и понятия совершенно, на наш взгляд, неожиданные. Если современный человек, знающий по-латыни, но не знакомый с древностями, прочтет в законе XII таблиц при обозначении какого-нибудь преступления, например ночной кражи плодов, такую краткую формулу наказания: *sacer esto*, то он хотя и не переведет этого **да будет священным**, однако под влиянием новейших понятий не сразу догадается, что это собственно значит: **да будет зарезан или да подлежит закланию**. Во всяком случае такая омонимия покажется ему очень странной. Между тем тут не было вовсе никакой омонимии, т. е. употребления одного слова для различных понятий, одному слову здесь отвечало одно понятие, так как в

⁶⁾ Начальный пункт.

⁷⁾ Конечный пункт.

известную эпоху под **освящением**, когда дело касалось живых существ, ничего другого и не мыслилось, кроме предустановленного **умерщвления**⁸⁾. Вообще, **освящать** значило: из суммы однородных предметов (людей, животных, плодов и т. д.) отделять некоторые, чтобы отдать их божеству. Первоначальный, коренной способ этого отдавания состоял в жертвоприношении, то есть в торжественном истреблении отделенных предметов, что и было их окончательным освящением. Оснований, по которым именно эти, а не другие предметы подлежали освящению или истреблению, было много; главные из них были двоякого рода: естественные, как, например, **первородство** (приносились в жертву первенцы людей и скота, начатки плодов и т. д.), и социальные, в силу которых приносились в жертву чужеземцы (что было особенно лестно для национального божества), военнопленные и преступники. Так как нормы общежития теснейшим образом связывались с богопочитанием как прямые выражения высшей воли, то всякое нарушение этих норм понималось как оскорбление божества, которому нарушитель и выдавался головой: *sacer esto!*

В области библейских представлений между двумя основаниями «освящения»: первородством и преступлением, просвечивает мистическая связь, поскольку первенец рода человеческого, Адам, и его первенец, Каин, были оба и первыми преступниками — один прямо против Бога, другой — против человека⁹⁾. Не касаясь теологической стороны вопроса, заметим, однако, что именно Библия, рассматриваемая в целом, высоко поднимает человеческое сознание над темною и кровавою почвою дикой религиозности и религиозной дикости, из которой языческие народы лишь отчасти выбивались в своих высших классах, благодаря развитию греческой философии и римской юриспруденции.

В Библии по нашему вопросу обозначаются три главные момента: 1) После первого убийства **провозглашение нормы**: преступник, даже братоубийца, не подлежит казни человеческой: «И отметил Превечный Каина, чтобы кто-нибудь не убил его». 2) После потопа, вызванного крайними обнаружениями зла в человеческой природе — **приспособление норм** к «жестокосердию людей»: «Кто прольет кровь человека — человеком прольется кровь его»; это приспособительное положение подробно развивается и осложняется в Моисеевом законодательстве. 3) **Возвращение к норме**: у пророков и в Евангелии. «Мне отмщение, — говорит Превечный, — я воздам». Чем воздаст? «Милости хочу, а не жертвы». «Я пришел взыскать и спасти погибшее».

Библия есть многосложный, тысячу лет выраставший духовный организм, совершенно чуждый внешнего однообразия и прямолинейности, но

⁸⁾ По-сербски и теперь освятите, значит — зарезать.

⁹⁾ Потомство же Каина, истребленное потопом, представляло собой третий тип преступности — против природы, что впоследствии в малых размерах повторилось в Содоме и Гоморре.

удивительный по внутреннему единству и стройности целого. Выхватывать произвольно из этого целого одни промежуточные части, без начала и конца, есть дело фальшивое и пустое; а ссылаться на Библию вообще в пользу смертной казни — свидетельствует или о безнадежном непонимании, или о беспредельной наглости. Те, кто, подобно Жозефу де Местр, сближают понятие смертной казни с понятием искупительной жертвы, забывают, что искупительная жертва за всех уже принесена Христом, что она всякие другие кровавые жертвы упразднила и сама продолжается лишь в бескровной евхаристии — забвение изумительное со стороны лиц, исповедующих христианскую веру. Поистине, допускать еще какие-нибудь искупительные жертвы, значит отрицать то, что сделано Христом, значит — изменять христианству.

* * *

Негодная лжерелигиозная замазка не может исправить растреснувшуюся глину «абсолютной» метафизической криминалистики, требующей сохранения смертной казни как должного воздаяния за преступление. Посмотрим, крепче ли другая глиняная нога этого гнусного кумира — утилитарное воззрение, находящее смертную казнь самую целесообразною мерою общественной обороны против важнейших преступников.

Лишь очень немногие криминалисты, стоящие на этой точке зрения, понимают пользу смертной казни в прямом смысле — как самого простого и дешевого способа отделаться от преступника. Большинство писателей стыдятся этой простоты. А между тем, если стоять на точке зрения пользы и только пользы, что можно противопоставить соображению о надежности и дешевизне виселицы сравнительно с тюрьмой? И не ясно ли также, что если это средство выгодно относительно десяти или двадцати преступников, то оно тем более выгодно относительно десяти тысяч, и что всего выгоднее для общества вешать всех преступников и всех людей, которые ему в тягость. А если такого вывода стыдятся, то, значит, стыдятся и того принципа, из которого этот вывод с логическою необходимостью вытекает. Но какую же цену может иметь теория, сторонники которой должны признать постыдным ее собственный принцип?

Со времени Ансельма Фейербаха почти все криминалисты утилитарного направления признают пользу смертной казни лишь в косвенном смысле — со стороны ее устрашающего действия. Но именно относительно смертной казни этот взгляд допускает опытную проверку. Если вопрос о целесообразности устрашающих наказаний вообще остается на эмпирической почве спорным, то о смертной казни, в частности, этого сказать нельзя: здесь вследствие простоты и определенности данный вопрос может получить бесспорное опытное решение.

Если бы защитники смертной казни в смысле необходимого устрашения, удерживающего от совершения преступлений, были серьезно и

последовательно убеждены в своем тезисе и признавали его полную силу, то они должны бы были задуматься над следующим приведением их взгляда к абсурду. Производимое смертною казнью устрашение есть необходимое средство для удержания от преступлений; следовательно, по мере неупотребления этого необходимого средства число преступлений должно соответственно возрастать; независимо от этого, оно, конечно, возрастает естественным приростом (и увеличивающейся скученностью) населения. Приложим это к фактам. При Генрихе VIII в Англии казнили ежегодно 5000 преступников; с тех пор население возросло в 12 раз, следовательно, если бы «необходимое» средство устрашения продолжало применяться, то следовало бы теперь казнить ежегодно 60 000 злодеев; вместо того теперь казнят средним числом всего 15 человек, то есть в 4000 раз меньше, чем следовало бы; такое сокращение «необходимой» меры устрашения должно бы соответственно повлиять на увеличение числа преступлений, и если для царствования Генриха VIII считать их (чтобы быть великодушным) столько же, сколько было казнимо, то есть по 5000 год, то теперь этих, уже более не казнимых преступлений должно бы совершаться не менее 20 миллионов ежегодно, то есть не только все взрослые англичане должны бы оказаться поголовно профессиональными преступниками, но, пожалуй, и некоторой части грудных младенцев обоего пола пришлось бы для оправдания теории обкрадывать своих кормилиц или делать порубки в чужих лесах.

Против такого абсурдного вывода из их теории приверженцы устрашения имеют только один довод, который в сущности есть отречение от их принципа. Они могут сказать, что обилие казней есть лишь условная необходимость и вопрос времени: при Генрихе VIII нужно было по 5000 казней в год вследствие грубости и дикости нравов и неустойчивости общежития, а теперь довольно и 15 для устрашения наиболее опасных преступных стремлений; но если преступность до такой степени ослабела в силу общественного прогресса или благоприятного изменения жизненных условий, то на этой положительной почве и нужно до конца бороться с преступлениями, оставив раз навсегда казни как бесполезную жестокость.

Но есть ли в самом деле вопиющая бессмыслица утверждать, что вчера еще склонность к воровству была так сильна в обществе, что воров можно было напугать только виселицей, а сегодня эта склонность вдруг почему-то ослабела, и для них уже и тюрьма оказывается достаточно страшной, а виселица должна оставаться только для убийц, которые почему-то тюрьмы не боятся?

Опытная проверка мнимой устрашающей силы смертной казни может быть сделана и без всякого сопоставления между собою отдаленных эпох. В тридцатых годах XIX века сравнительно с двадцатыми годами того же века никакой существенной разницы в социальных и культурных условиях жизни не было, а потому если бы вообще смертная казнь имела влияние на проявление преступности, то последовавшее в это время, вследствие отмены старых статуты, быстрое сокращение смертных казней (со 115 в год

до 15 и даже 10) должно было бы сказаться значительным увеличением злодеяний, за которые больше не грозила смерть. Между тем не только значительного, но и никакого увеличения числа преступлений в Англии не произошло, а обнаружилось, напротив, некоторое их уменьшение. В Тоскане, где смертная казнь была совершенно отменена еще в XVIII веке (сначала фактически, потом и по закону), никакого увеличения преступности не оказалось, и бесполезность ее была так очевидна, что все позднейшие попытки ее восстановления (по соображениям политическим) не имели успеха: общественное мнение не допускало исполнения смертных приговоров. В Австрии в самом Императорском декрете (1803), которым восстанавливалась смертная казнь, отмененная прежде Иосифом II, признается тот факт, что за время отмены число преступлений не увеличилось. И во всех других случаях отмены, кончая последними, совершившимися на наших глазах, результат неизменно один и тот же: заметного увеличения числа преступлений, как следовало бы по теории устрашения, в действительности не происходит. Нельзя себе представить более блестящего опытного опровержения этой теории, последний удар которой нанесен в наши дни устранением публичного исполнения смертной казни. Ясно, что казнь, совершаемая секретно и стыдливо, не предназначена для устрашения. Факт этой секретности довольно красноречив, но еще красноречивее его основание: было констатировано, что публичные экзекуции, производя деморализующее действие на толпу, сопровождались подъемом преступности в данной местности.

Сравните теперь это робкое, краснеющее, по возможности комфортабельное для жертвы юридическое убийство украдкой, в стенах тюрьмы, в утренние сумерки — сравните его со всеми великолепиями прошлых времен: торжественно по целым дням на многолюдных площадях при колокольном звоне у сотен людей вытягивали кишки, сдирали кожу, жгли их медленным огнем, разрывали по суставам, заливали горло свинцом, варили в кипятке, в горячем масле и вине! От всего этого пришлось отказаться, и если сам ад не устоял перед проснувшейся совестью, неужели устоит его бледная трепещущая тень?

* * *

«Никто, — говорит известный ученый, знаток этого вопроса, — никто даже из самых горячих сторонников смертной казни не мог в защиту необходимости ее привести хотя бы малейший факт, который бы доказал, что отмена ее в упомянутых государствах (в Тоскане и др.) повлекла за собою увеличение преступлений, что она сделала менее безопасными общественный порядок, жизнь и имущество граждан. Упомянутая отмена естественно низводила исследование о смертной казни из заоблачных сфер теории на почву здравого и нелживого опыта». Благодаря этому опыту личное мнение отдельных передовых умов о бесполезности смертной казни

для защиты общества стало теперь положительной истиной, экспериментально доказанной, и оспаривать эту истину могут только или незнание, или недобросовестность, или предвзятость.

Но бесполезная материально для общества смертная казнь духовно вредна как безнравственное действие самого общества.

Это есть действие нечестивое, бесчеловечное и постыдное.

Во-первых, смертная казнь **нечестива**, так как по своей безотносительности и окончательности она есть присвоение человеческой юстицией того абсолютного характера, который может принадлежать только суду Божию, как выражение божественного всеведения. Преднамеренно и обдуманно вычеркивая этого человека из числа живых, общество заявляет: я знаю, что этот человек безусловно виновен в прошлом, безусловно негоден в настоящем и безусловно неисправим в будущем. А так как на самом деле не только о будущей неисправимости этого человека, но и о его прошлой виновности, хотя бы лишь фактической, обществу и его судебным органам ничего вполне достоверного неизвестно, что достаточно доказывается многими обнаруживающимися судебными ошибками, то не есть ли это явно нечестивое посягательство на пределы вечные и слепое безумие человеческой гордости, ставящей свое относительное знание и условную справедливость на место всевидящей правды Божественной. Или смертная казнь совсем не имеет никакого смысла, или она имеет смысл нечестивый.

Во-вторых, смертная казнь **бесчеловечна** — не со стороны чувства, а со стороны нравственного принципа. Вопрос совершенно принципиальный: должно ли признавать в человеческой личности какой-нибудь предел для внешнего на нее действия, что-нибудь неприкосновенное и неупраздняемое извне? Тот ужас, какой внушает убийство, достаточно показывает, что есть такой предел и что он связан с жизнью человека. Не самый факт физического существования важен, а то, что в узкие рамки этого факта вмещена для нас теперь и им обусловлена вся бесконечная судьба человека. Убийство возмутительно не разрушением видимой действительности, всегда ограниченной и большею частью неважной, а теми безграничными возможностями, которые оно, не ведая их, уничтожает. Это есть преступление потому, что здесь преступается крайний предел между двумя существами и ниспровергается последнее основание всяких отношений — то, что есть необходимое условие для всего остального. Но вот страшное дело совершилось, человек превратил другого в бездушную вещь. Допустим, что этому нельзя было помешать, допустим, что общество пока не виновато. Оно возмущается, негодует, и это хорошо: было бы очень печально, если бы оно оставалось равнодушным. Но, справедливо ужасаясь перед убийством, каким делом выразит оно свое чувство? Новым убийством! По какой же это логике — повторение зла есть добро? Разве убийство возмутительно тем, что убит хороший человек? Он был, может быть, негодяем. Но возмутительно самое действие воли, преступающей

нравственный предел, возмутителен человек, говорящий другому: ты для меня ничто, я не признаю за тобою никакого значения, никакого права, даже права на существование, и доказывающий это на деле. Но ведь именно так и поступает общество относительно преступника, и притом без всяких смягчающих обстоятельств, без страсти, без порочных инстинктов, без душевного расстройства. Виновна, но заслуживает снисхождения фанатическая толпа, которая под влиянием безотчетного негодования убивает преступника на месте; но общество, которое делает это медленно, хладнокровно, отчетливо, не имеет извинения.

Особое зло и ужас убийства состоит, конечно, не в фактическом отнятии жизни, а во внутреннем отречении от основной нравственной нормы, в решимости от себя, собственным действием разорвать окончательно связь общечеловеческой солидарности относительно этого действительного, передо мною стоящего ближнего, такого же, как и я, носителя образа и подобия Божия. Но эта решимость покончить с человеком гораздо яснее и полнее, чем в простом убийстве, выражается в смертной казни, где, кроме этой решимости и ее исполнения, совсем ничего нет. У общества по отношению к казнимому преступнику остается только желание уничтожить в абсолютно чистом виде, совершенно свободное от всех тех физиологических и психологических условий и мотивов, которые затемняли и закрывали сущность дела в глазах самого преступника, совершил ли он убийство из корыстного расчета или под влиянием менее постыдной страсти. Никаких таких осложнений мотивации не может быть при смертной казни; все дело здесь выведено начистоту: единственная цель — покончить с этим человеком, чтобы его вовсе не было на свете. Смертная казнь есть убийство как таковое, абсолютное убийство, то есть принципиальное отрицание коренного нравственного отношения к человеку.

Это в сущности признают и защитники смертной казни, которые иногда проговариваются самым неожиданным образом. Так, один из них на требование отмены смертной казни отвечал знаменитой фразой: «Пусть господа убийцы начнут первые!». Здесь казнь прямо приравнивается к убийству, и казнящее общество ставится на одну доску с «господами убийцами», то есть с единичными преступниками, которым даже присваивается привилегия быть образцами и руководителями целого общества в его исправлении.

Менее наивные сторонники гильотины и виселицы прибегают к уловкам, заслуживающим внимания по своей непоследовательности. Смерть, говорят они, не есть окончательная потеря существования, человеческая душа живет за гробом, смерть есть только переход, вовсе не имеющий безусловного значения, и т. д. Но если конец видимого, земного существования так не важен, то почему же вас до такой степени ужасает убийство? А если, несмотря на загробную жизнь, есть основание ужасаться убийством, то позволительно ли его повторять в худших условиях? Если вы в самом деле так легко смотрите на смерть, то относитесь легче к

убийствам, а если они вас так возмущают, то остерегайтесь подражать им в этой жизни под предлогом ее продолжения за гробом.

Будучи нечестивой и бесчеловечной, смертная казнь имеет и **постыдный** характер, который уже давно закреплён за нею общественным чувством, как это видно из всеобщего презрения к палачу. Война, дуэль, открытое убийство могут быть бесчеловечны, ужасны, с известной точки зрения бессмысленны, но особого, специфического элемента постыдности в них нет. Что бы ни говорили сторонники вечного мира, военный человек, сражающийся против вооружённых противников с опасностью для собственной жизни, ни в каком случае не может возбуждать к себе презрения. Хотя дуэль нельзя и сравнивать с войною, хотя дуэлянт справедливо вызывает негодование и преследуется как за преступление, но все-таки человека, выходящего на барьер, никто за одно это искренне не презирает и по той причине, что этот человек возвышается, по крайней мере, над инстинктивным страхом смерти и показывает, что его собственная физическая жизнь сама по себе без известных нравственных (хотя бы и ошибочно понятых) условий не имеет для него цены. То же до некоторой степени можно сказать и про иные случаи убийств. Но вся эта сторона самопожертвования или риска собственной жизнью и свободой, оправдывающая войну, извиняющая дуэль и даже смягчающая в известных случаях ужас прямого убийства, — в смертной казни совершенно отсутствует. Здесь заранее и заведомо обезоруженный и связанный человек убивается человеком вооружённым, совершенно ничем не рискующим и действующим исключительно из низкого своекорыстия. Отсюда специфически постыдный характер смертной казни и безграничное всеобщее презрение к палачу.

Странно было бы опровергать постыдность смертной казни и презренность палача указанием на те древние времена, когда смертная казнь была священнодействием и совершалась жрецами, а также и на ту более позднюю старину, когда светские высокопоставленные лица не гнушались исполнять обязанности палача. Что же это может доказывать? Было время, когда проституция, как в естественных, так и в противоестественных формах, была религиозным учреждением. Но из того, что женщины древнего Вавилона смотрели на блуд с иностранцами за деньги как на священнослужение богине Милитте, не вытекает никакого оправдания проституции для наших дней. Точно так же никакие воспоминания о каннибальской старине не помешают тому, что на той ступени нравственного сознания, которой уже достиг теперешний средний человек, смертная казнь осуждена не только как нечестивое и бесчеловечное, но и как постыдное дело.

Будучи противна первоосновам нравственности, смертная казнь вместе с тем есть отрицание права в самом его существе. Мы знаем, что это существо состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага, откуда прямой вывод, что последний интерес

(общего блага) может только ограничивать первый (личную свободу каждого), но ни в каком случае не иметь в намерении его полное упразднение, ибо тогда, очевидно, всякое равновесие было бы нарушено. Поэтому меры против какого бы то ни было лица, внушенные интересом общего блага, никак не могут доходить до устранения этого лица как такового чрез лишение его жизни или чрез пожизненное отнятие у него свободы. Следовательно, законы, допускающие смертную казнь, пожизненную каторгу или пожизненное тюремное заключение, не могут быть оправданы с точки зрения юридической как упраздняющие окончательно данное правовое отношение чрез упразднение одного из его субъектов. Притом утверждение, что общее благо в известных случаях требует окончательного упразднения данного лица, представляет и внутреннее логическое противоречие. Общее благо потому только и есть общее, что оно содержит в себе благо всех единичных лиц без исключения, — иначе оно было бы лишь благом большинства. Из этого не следует, чтобы общее благо состояло в простой арифметической сумме всех частных интересов отдельно взятых или заключало в себе сферу свободы каждого лица во всей ее беспредельности, — это было бы другое противоречие, так как эти сферы личной свободы могут сами по себе отрицать друг друга и, действительно, отрицают. Но из понятия общего блага с логической необходимостью следует, что, ограничивая именно как общее (общими пределами) частные интересы и стремления, оно никак не может упразднять хотя бы одного носителя личной свободы или субъекта прав, отнимая у него жизнь и самую возможность свободных действий. Общее благо по самому своему понятию должно быть благом и этого человека; но когда оно лишает его существования и возможности свободных действий, следовательно, возможности какого бы то ни было блага, — тем самым это мнимое общее благо перестает быть благом и для него, следовательно, утрачивает свой общий характер, само становится лишь частным интересом, а поэтому теряет и свое право ограничивать личную свободу.

И в этом пункте мы видим, что нравственный идеал вполне согласен с истинною сущностью права. Вообще право в своем особом элементе принуждения к минимальному добру, хотя и различается от нравственности в тесном смысле, но и в этом своем принудительном характере, служа реальному интересу той же нравственности, ни в каком случае не может ей противоречить. Поэтому если какой-нибудь закон находится в принципиальном противоречии с нравственным сознанием добра, то мы можем быть заранее уверены, что он не отвечает и существенным требованиям права, и правовой интерес относительно таких законов может состоять никак не в сохранении, а только в их правомерной отмене.

Н. А. Бердяев

КАЗНЬ И УБИЙСТВО

Бердяев Николай Александрович (1874-1948) — русский религиозный философ, идеолог персонализма. Будучи студентом Киевского университета оказывал содействие Союзу борьбы за освобождение рабочего класса. В начале девятисотых годов поклонник неокантианства, один из идеологов легального марксизма. В 1907 году становится на позиции религиозного мирозозерцания и примыкает к богоискательству. Отрицал объективный характер законов истории и не верил в исторический прогресс. Политические симпатии Бердяева были на стороне кадетской партии.

Кроме участия в издании журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», играл активную роль в организации Петербургского религиозно-философского общества. Считал себя свободным и независимым философом. В 1922 году уехал в Париж, где находился безвыездно до конца своей жизни.

Основные работы: Ф. А. Ланге и критическая философия. СПб., 1900; Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910; Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907; Философия свободы. СПб., 1911; Мирозозерцание Ф. М. Достоевского. М., 1968; О рабстве и свободе человека. Париж, 1972.

Кровь, которую проливает русское правительство, убийства, которые оно совершает, не могут быть подведены под юридический институт смертной казни. Этот криминальный институт давно уже признан нецелесообразным наукой уголовного права, давно уже восстало против него моральное сознание человечества. Но ужас, который сейчас происходит, нельзя обсуждать с юридической точки зрения, как-то неуместно аргументировать против смертной казни, да и слишком элементарный это вопрос. Контрреволюция черной смертью пронеслась над Россией, применила террористическую тактику, перед которой бледнеют все революционные терроры мира, убийство сделала своим главным, почти единственным орудием. Все черные, звериные силы страны мстят за то, что пошатнулось их безбожное царство и что призваны они, наконец, историей к ответу за вековые свои преступления. Контрреволюционный террор, не знающий границ, зверская месть, организованное убийство беззащитных — вот что называют у нас в эти дни смертной казнью. Совершает эти преступления государственная власть, мнящая себя христианской ¹⁰).

¹⁰) Имеются в виду расправы над участниками революции 1905 года.

Сказано было: «Взявшие меч, мечом погибнут». Это про государство сказано было, так как государство не только первое взяло меч, в кровавых убийствах родилось, но и убийство возвело в закон, смерть одним из законов жизни признало. Известно, что смертная казнь исторически развилась из кровавой мести, что государство заботливо взяло на себя задачу организовать возмездие, превратив его в безличное. Стихия кровавой мести — иррациональная, в ней первозданный хаос шевелится, и бесконечно благороднее, святее этот хаос, чем организованное, разумное, сознательно-зверское возмездие государства, чем чудовищная его безличность. Страшна смерть и отвратительно убийство, но что сказать о смерти, возведенной в закон жизни, об убийстве, организованном сознательно хозяевами жизни во имя поддержания призрачного в ней порядка. Есть в мире правда высшая, чем эта кровавая месть, и не к мести этой призывает наше сознание, но не государству об этой правде напоминать, не перед государством будет дан ответ за ужас убийства. Человеку было сказано: «Не убей», но государство — люди государственные, люди власти не приняли этого на свой счет, отнесли заповедь лишь к подвластным им и поддерживают свое существование законом звериным, о Боге ничего не ведающем.

Смерть — самое крайнее, самое страшное выражение мирового зла, отпадение мира от Бога, и целью религии всегда была победа над смертью, утверждение жизни вечной. Если крестная смерть Христа была победой над смертью, то она вместе с тем была и самым властным, религиозным осуждением убийства. Казнящий смертью, утверждали истинные христиане, присоединяется к делу мучителей Христа, убивает не только человека, но и Бога.

Революционеры, совершающие политические убийства, на которые ссылается правительство для оправдания своих преступлений, не первые подняли меч, не «холодно» убивают, не «безоружных» убивают. И эти убийства ужасны, мы жаждем выйти из кровавого круга, в который вступило правительство, но не всякий смеет осуждать их, не всякий имеет на это право и менее всех, конечно, обгаренная кровью невинных государственная власть. В политических убийствах, совершенных отдельными героями, в дуэлях, в защите чести личность человеческая отдает и свою жизнь, отвечает за себя собою, а государство всегда безответственно по своей безличности. Убийство, из «хаоса» рожденное, невиннее, благороднее, для совести нашей выносимое, чем убийство по «закону» холодно-зверское, рассудочно-мстительное. И смерть хаотическую и смерть законническую преодолееет свободная гармония, но верим, что перед судом Божиим к ответу будут призваны прежде всего убийцы-законники, мешавшие смерть преодолеть, и вечный ужас откроется перед их прозревшим сознанием, поймут они, кому служили.

С. Н. Булгаков О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Булгаков Сергей Николаевич (1871-1944) — русский буржуазный экономист, философ, теолог, профессор политэкономии в Киеве с 1901 по 1906 год, в Москве с 1906 по 1918 год, член 2-й Государственной думы. Начав с легального марксизма, позже перешел к религиозной философии. С этих позиций выступал против смертной казни.

С 1923 года — в эмиграции, в 1924-1944 годах — профессор догматики и декан русского Богословского института в Париже.

Основные работы: *Философия хозяйства* (М., 1912); *Проблемы идеализма* (М., 1902); *Из глубины* (М., 1918); *Тихие думы* (М., 1918).

Всякое убийство есть дело ненависти. Не может быть, чтобы человек убивал человека из любви к нему. Смертная казнь есть один из самых ужасных видов убийства, потому что она есть холодное, расчетливое, сознательное, принципиальное убийство, — убийство без всякого аффекта, без всякой страсти, без всякой цели; убийство ради убийства. И в этом главный ее грех и ужас. При всяком убийстве есть виноватый, есть тот, кто этого убийства хотел, кто его замыслил и взлелеял, кто из-за него вел с собой ожесточенную иногда борьбу, кто принял его на свою совесть. При всяком убийстве есть убийца, живой человек, способный падать и возвышаться, грешить и каяться. При смертной казни нет убийцы в смысле живого лица, есть отвлеченный убийца, закон или государство. Убили Шмидта и трех матросов не те солдаты, которые дали по ним смертельный залп и послужили лишь орудием убийства, и не тот прокурор, который применил к ним статьи закона, какие он не мог не применить, стоя на его почве, и даже не адмирал Чухнин, лишь подтвердивший этот не им поставленный и имеющий силу закона приговор; вообще ни одному из звеньев этого бездушного аппарата, имеющего на одном конце параграф закона, а на другом — человеческий труп, не может быть вменено целиком убийство, хотя каждый виновен в нем: и стрелявший солдат, и неумолимый прокурор, и жестокий, беспощадный адмирал. Никто из них, может быть, искренно не хотел и не хочет убийства, тем не менее принимает в нем участие. Здесь есть какая-то ужасная логика событий и отношений, есть зло сверхиндивидуальное, каким всегда является дурной, безбожный закон, и это сверхиндивидуальное зло воплощается в индивидуальные грехи. Но зато это сверхиндивидуально, а следовательно, в большей или меньшей степени всеобщее, не может принять вину целиком никто, ибо виноваты в сущности все. Да, все — и те, кто теперь заливают Россию кровью казнимых,

и те, которые на это негодуют, пишут «Письма в редакцию» против смертной казни, все, кто терпит этот строй и мирится с ним.

Двойное чувство в людях возбуждает смертная казнь: в одних ненависть и жажду мести, которые в соединении с личной самоотверженностью вызывают ответные политические убийства, ведущие к новым смертным казням, — этим люди как бы облегчают свою совесть, жертвуя собой, в других — бессильный ужас и чувство стыда, ответственности, виновности — ответственности и совинности. Да, виновные все мы и каждый из нас в отдельности: это я и вы и наши знакомые вместе с несчастными молодыми матросами расстреляли Шмидта и бесчисленное количество жертв, кровь их на нас и на детях наших, и эта солидарная ответственность не пустая фраза. Я слышу самодовольные и негодующие голоса: «Да разве мы не подписывали протестов, разве мы не негодовали, но мы бессильны». Однако по чистой совести, пред лицом великого таинства смерти, торжественность которого только подчеркивается обстановкой казни, может ли каждый из нас сказать, что он сделал все, что мог, а следовательно, и что должен был, для борьбы с этим злом, что он не был погружен в себялюбивые интересы или житейскую суету, именно тогда, когда проливалась кровь, что он не **чувствовал** крови... А разве могли бы мы теперь жить, как мы все живем: пить, есть, спать, ходить в театр, на службу, к знакомым, если бы мы чувствовали кровь, которой захлебывается страна? Мы хотим отмахнуться от назойливого беспокоящего призрака, обеспечить свой покой, от которого должны бы отказаться, от которого не осталось бы и тени, если бы мы не были так бесчувственны. А если мы внутренне неправы, если мы не сделали того, к чему обязывает нас наша совесть, то как же мы можем утверждать, что мы бессильны и отрицать свою совинность, свое соучастие в смертной казни, в убийстве. Я не знаю, какое чудо тогда совершилось бы, как распались бы стены темницы, как переродились бы сердца жестоких правителей, если бы совесть сделала во всех нас свое дело... Те, которые казнены, умерли, удостоившись мученического венца, — их нечего уже жалеть, им можно только завидовать и желать всякому той преданности идее, того самоотвержения, которое увенчивается мученичеством. Быть готовым к мученичеству, совершить акт внутреннего самоотречения — разве это не высшая свобода, не высшая сила, для которой не страшно ничто, и которой — и только ею одною — побеждается зло. Но мы содрогаемся при известиях о смертной казни не только непосредственным ужасом пред происходящим, но и стыдом своего бессилия, своей неготовности, своей привязанности к жизни, которая застилает нам глаза и притупляет совесть.

Будем бороться со смертной казнью всеми внешними средствами, какие существуют в нашем распоряжении: будем издавать сборники, принимать резолюции, подписывать петиции, говорить речи. Но от всего этого в глубине души, пред всевидящим оком совести — чего-то стыдно, неловко, чувствуется какая-то ложь. И ложь эта в том, что говорить мощным и властным голосом о смертной казни и громить ее может только тот, кто сам

готов принять смертную казнь, и только тогда, когда он совершил внутренне эту казнь над собой, отрекся от себя. Только равный может выступать за равного, и только эта защита неотразима и непобедима. Жертва за жертву! Вот почему так страшно и так стыдно только **писать** против смертной казни.

Вне этого условия мы не можем избыть своей собственной вины, своего соучастия, как бы мы ее ни устраняли словесным негодованием. В нравственной экономике мира ничто не пропадает даром, а кровь казненных, эта драгоценнейшая влага из всех земных влаг, менее чем что-либо. И она должна научить нас не только протестовать словесно против смертной казни, но и самим делаться достойными этого протеста, приобрести на него право, внутренне его оправдать. И когда, и если совершится это перерождение, смертная казнь будет действительно побеждена — не внешне, хотя при этом условии и внешняя победа станет легка и естественна — но внутренне: перестав страшить нас самих, она даст нам силы страшить наемных, механических, бездушных, жалких или презренных убийц.

Вот этой-то внутренней победы над смертной казнью прежде всего я желаю и себе и своим читателям. И эта победа зависит только от нас самих, от наших личных усилий, за нас ее никто не может совершить, а потому, поскольку это имеет значение и для самого существования смертной казни, никто не может исполнить за нас того, что может быть сделано нами самими. Внешний успех или неуспех — дело внешних сил, внутренняя победа — наше собственное дело, и поскольку оно является условием и внешнего успеха, на нашу личную совесть ложится и существование смертной казни в обществе.

В. В. Розанов

ЛУКАВЫЕ СЛОВА

Розанов Василий Васильевич (1856-1919) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист. С конца 1890-х годов видный журналист «Русского вестника», «Русского обозрения», «Нового времени». Сборники «Религия и культура» и «Природа и история» свидетельствуют о попытках найти решение социально-философских проблем в церковной религиозности. Розанов выступал с критикой современной ему системы судопроизводства и наказаний, с требованием отмены смертной казни.

«И выпив цикуты, Сократ стал ходить по комнате, пока не почувствовал тяжести в ногах. Тогда он лег и сказал окружающим: «Не забудьте принести в жертву (богу Асклепию) петуха». Так записано в «Федоне» Платона о смерти Сократа, умершего по приговору несправедливого афинского суда. «Жертвоприношение петуха»... какую это древностью звучит! Какая несбыточность для нас, христиан! Уже 2400 лет прошло с тех пор, мы именуемся «христианами»: и вот христианин-палач, окруженный для обеспечения дела христианами-воинами, по приговору христианского суда и во исполнение христианского закона «святой» Руси, затягивает петлю на горле человека и давит его, как кошкодер на живодерне.

Эти живодерни именуются отчего-то и обставлены в «делопроизводстве» не своими словами, не собственными названиями, а уворованными чужими словами из лексикона добропорядочных людей: «уголовный суд», «приговор о смертной казни», «суд приговорил такого-то к повешению», «приговорил к расстрелянию». Когда нужно говорить просто: «мы, судьи, удавили сегодня Петра», «мы приказали солдатам Николаю и Фаддею застрелить мещанина Семена».

«Вешают» платье в гардероб, а человека давят. Кто же говорит о разбойнике: «он повесил домовладелицу такую-то и конфисковал ее имущество». Разве суд говорит: «Ванька Каин повесил такого-то мирного обывателя и ограбил». Отчего же, когда вешают Ваньку Каина, он обязан употреблять более мягкие термины: «Господа судьи изволили приговорить меня к повешению». И он вправе сказать: «Я удавил помещицу Киселеву, а меня завтра удавят судьи. И все мы — душителю: я — вчера, судьи — завтра». И уже читателю остается добавить: «И всем вам та же цена: отродья Сатаны, дьяволы».

Дьявольская эта вещь, при свете дня, в торжественной обстановке творится только государством. Его «регалия»... Все остальные, «последние люди», стыдятся этого; и «среди бела дня зарезал» — это звучит как жалоба

на последнюю степень бесстыдства, вызова человеку и человечеству. Обыкновенно ночью, где-нибудь в глубине дома, в гуще леса, в тайге «приканчивает» человек человека... Бр-р-р.., ужас. Только государство, «милое отечество», «седины» родины, барабанит в барабан, сзывает народ, душители надевают мундир, все ордена, становятся, молчат, точно за обедом; и на глазах их удавливают человека.

Черная месса.

Мне кажется, ужас смертной казни удерживается от того в качестве «особой привилегии государства», что, хотя мы и «сознательные христиане», но на самом деле берем все целиком, в комке и не расчлняя, и вовсе не постигаем живым воображением делаемого. И на первую ступень понимания нас не пускают просто эти чужие, неверные слова и термины, которыми мы, как приличной капсулой, обволокли вонючее и нестерпимое содержание.

П. А. Кропоткин НАКАЗАНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ

Кропоткин Петр Алексеевич (1842-1921) — русский революционер, публицист, социолог.

В 1872 году вступил в I Интернационал, примкнув к М. А. Бакунину. В 1873 году составил записку «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя» — важный документ народничества. В 1874 году арестован, в 1876 — бежал за границу. Летом 1917 года вернулся в Россию. Проповедовал «классовый мир», «безвластный социализм».

Ныне существующая система наказаний представляет собою пережиток понятий, сложившихся в давно прошедшие времена. В ней есть следы **родовой мести**, уплаты за причиненное зло, установившейся в эпоху общин и, наконец, **системы устрашения**, выработанной в деспотических монархиях и теократиях Востока. Но главным образом выработана была нынешняя система наказаний с целью охранения привилегий, захваченных имущими и правящими классами. И уже в силу этого к ней нельзя относиться иначе, как с самым беспощадным отрицанием.

По мере того как идею мести становилось все труднее защищать в современном обществе, для оправдания нашей системы наказаний стали все более и более настаивать на том, что она необходима для устрашения людей с преступными наклонностями, а также для устранения преступников из общества. При этом наиболее лицемерные из ее защитников прибавляют еще, что она имеет целью также и **исправление** преступников. Несмотря на равнодушие общества и даже реформаторов к этому вопросу, за последнее время было сделано, однако, немало исследований, которыми доказано, что ни одной из названных трех целей наша система наказаний не достигает. Тюрьмы не только не устрашают заключенных и не исправляют их, но, напротив того, они толкают их на новые и худшие преступления, так как делают их еще более неприспособленными к жизни общественной, усиливают в них неохоту или даже ненависть к правильному труду и развивают в половом отношении такие наклонности, которые прямо намечают их в кандидаты на уголовное преследование.

Из вора тюрьма делает виртуоза воровства или же грабителя; из человека, провинившегося в чем-нибудь небольшом против общественной нравственности, она делает одного из типов, описанных Крафтом Эббингом, и т. д. Так что из моих личных тюремных наблюдений и многочисленных бесед с людьми из тюремной администрации в Европе и Америке я мог только вынести одно непреложное заключение: **тюрьма** — всякая тюрьма, в силу основных ее начал, — есть **университет преступности**. Кроме

того — и на это обстоятельство, совершенно упускаемое из виду, следует обратить особое внимание — всякая тюрьма и всякий суд, поощряя шпионство, донос и провокацию, сыскную полицию и частные сыскные агентства, становится центром распространения в обществе разврата в самых отвратительных его формах.

Но если, говоря вообще, наша система наказаний не достигает своих целей исправления и устрашения, а, напротив того, наши тюрьмы постоянно ухудшают формы преступности, то смертная казнь точно так же, как и пытки, является совершенно лишней жестокостью, которая в свою очередь служит только распространению и усилению жестокости в обществе.

Известно, что в странах, уничтоживших у себя смертную казнь, количество преступлений, наказывавшихся смертью, **никогда** не увеличивалось. Известно также, что в Англии и во Франции наиболее зверские убийцы выходили именно из той толпы, которая в ночь перед казнью собирается вокруг тюрьмы или на площади и проводит всю ночь в пьянстве и разврате. В Женевской Республике смертная казнь была уничтожена после того, как один убийца сознался, что за несколько лет перед тем он совсем еще молодым человеком присутствовал при одной смертной казни. С тех пор мысль об убийстве не покидала его. Известно, наконец, что в Англии, где в начале XIX века казнили за множество проступков, например за кражу белья, развешанного на задних дворах, число подобных проступков после уничтожения казни за них отнюдь не увеличилось, а, напротив того, вследствие действия общеизвестных общих причин, шло уменьшаясь. Теперь по вторникам и по средам все дворы в предместьях больших городов бывают завешаны бельем, и много его остается на ночь в самых пустынных улицах на границе полей, не пропадая. Между тем в Англии, где вешают до сих пор с библейской свирепостью за убийство, убийства свирепее, чем где бы то ни было.

Словом, имеется громадная масса фактов, доказывающих **ненужность, зловредность** смертной казни. Только косность ума да трусость собственников удерживают этот пережиток варварских времен.

С другой стороны, нет сомнения, что факт существования смертной казни поддерживает в обществе мысль, что убийство есть хорошее средство возмездия и представляет собой действительное средство устрашения против злодеяний лиц, принадлежащих к правительству и к эксплуатирующим классам. И покуда смертная казнь будет существовать, будет существовать также и убийство со стороны угнетаемых.

Вообще за последнее время человеческая жизнь истребляется в таких количествах и так бесшабашно не только на войне, но и в видах устрашения крестьян и рабочих и подчинения их богатым и правящим классам, что человеческая жизнь перестает считаться чем-то ценным. Достаточно вспомнить о массовых избиениях в Париже после падения Коммуны, в Милане, в крестьянских бунтах в Андалузии и по всей Италии и, наконец, в последнее время в России. За белым террором всегда, однако, следует

красный террор, и последний является, таким образом, прямым порождением первого.

Единственный выход для современного общества — это признание высшего начала, чем месть и устрашение. Нужно признать открыто, что узаконенное устрашение, возведенное в систему и производимое судом и палачами под предлогом охранения общества, оказалось ложным началом, недействительным для намеченной цели и пагубным для общественной нравственности. Что же касается до смертной казни, то пора признать, что не только она ненужная жестокость, но она главный источник, который поддерживает в обществе жестокость нравов.

П. Д. Боборыкин ЗАКОННОЕ ЗЛОДЕЙСТВО

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836-1921) — русский писатель, публицист, критик и историк литературы, театральный деятель, мемуарист, переводчик. Учился в Казанском университете на юридическом факультете, а затем в Дерптском университете на физико-математическом факультете, решил посвятить себя литературной деятельности. В 1860 году опубликовал драму «Одноворец», а в 1862-1864 гг. — автобиографический роман «В путь-дорогу».

В 70-е годы корреспондент «Отечественных записок» в Париже. Будучи за границей (1865 — 1871), встречался с Герценом, Огаревым, Лавровым, Бакунным, интересовался общественными событиями, волнующими Европу, осуждал кровавое торжество реакции, разгромившей Парижскую коммуну. Однако Боборыкин отрицательно относился к революционным методам борьбы. Как писатель отражал в известной мере натуралистическое направление в литературе и был далек от глубоких социальных обобщений. Одним из лучших произведений является роман «Китай-город», в котором рельефно воспроизводятся быт и нравы сытой купеческой Москвы.

Автор мемуаров: «Воспоминания». В 2-х томах. М., 1960 г.

Наиболее известные романы: «Жертва вечерняя», «Солидные добродетели», «Дельцы», «Василий Теркин», «Тяга».

I

Пробил, наконец-то, час, когда по всей России пронесся могучий клич: «Долой смертную казнь!»

Насильственное отнятие жизни, холодное и рассчитанное убийство во имя государственного возмездия или какого-то иезуитского морального равновесия, а в сущности, варварский пережиток... Какой позор!

Да еще полно, «пережиток» ли это эпох варварства? Древние наши предки, и не они одни, смотрели на высшее преступление, на убийство, гораздо гуманнее и разумнее, а не с той лицемерной кровожадностью, с какой самые якобы культурные народы XX века «карают» точно такую же вину перед человечеством. Они брали «виру», заставляли убийцу или его родичей платить роду убитого денежную пеню, потому что для тех это был прежде всего огромный материальный ущерб. Их понятие о «возмездии» было гораздо гуманнее и дельнее. Они все были связаны родовым или общинным бытом. Для них всякая потеря «мужа», члена рода, общины или дружины была слишком чувствительна. И они посмотрели бы, вероятно, как

на величайшую нелепость и нечестие, на такой акт «правосудия», путем которого, кроме убитого, подвергался истреблению еще и другой член рода, общины, дружины. Такая очевидная нелепость не приходила им в голову.

А вот мы, утонченные дети общеевропейской культуры, не только терпим такой отвратительный обычай, но целые века ведем теоретические учения, философские прения на эту гнусную тему, силясь доказать всякими софизмами, что смертная казнь не только гуманнее других видов уголовного возмездия, но и справедливее с высшей этической точки зрения.

Нечего греха таить: и такие умы, такие чистые характеры, как Дж. Стюарт Милль, или Эмиль Меттре, ученик Огюста Конта, поддавались также этой соблазнительной доктрине о гуманности смертной казни, не чувствуя того, что они сами делались жертвами воздействия кровожадного пережитка, который изощрял умы целых столетий на выискивание доводов в защиту этого чудовищного противоречия в недрах христианства, проповедь которого считается обязательной для самых заскорузлых защитников государственных убийств.

Дело дошло и у нас в настоящую минуту до того, что фарисеи полицейской церковности ехидно спрашивают: «Где Иисус Христос говорит хоть одно слово против смертной казни?»

Им, вероятно, хотелось бы, чтобы Он осквернил Свои уста защитой законного злодейства. Про них-то псалмопевец и сказал: «Яд василисков на устах их».

Такие кощунственные подвохи показывают, что пришел последний день для защитников смертной казни. Для меня утешительный признак! Дальше в иезуитских приемах идти уже нельзя.

II

Мне всегда были особенно симпатичны те из защитников свободы и гуманности, кто не хочет входить ни в какие прения **за** или **против** смертной казни. «Она **не должна** существовать!» — вот что они знают, во что верят. И «ultima ratio»¹¹⁾ в этом **лжевопросе**. Это простое голосование — «да» или «нет» — честных и добрых людей.

Не ученый, не законник, не философ, не резонер-диалектик написал около 80-ти лет назад: «Le dernier jour d'un condamné»¹²⁾, а поэт и романист Виктор Гюго, создавший своим воображением и трепетным чувством всю трагедию в душе молодого, полного сил, человеческого существа, осужденного на гильотину.

Этот эпизод, размером с небольшой рассказ, составил «эпоху» в истории всемирной литературы...

¹¹⁾ Последний довод, последнее средство (лат.).

¹²⁾ Последний день приговоренного (франц.).

Весь ужас душевной бури в осужденном на гильотину передан был с поражающей, особенно для того времени, силой, если и не с безусловной психической правдой. Осужденный мог быть и политический преступник, хотя Гюго не выбрал именно этот мотив. Но тогда (в конце Реставрации) смертная казнь за государственные преступления еще была в полной силе. Франция «побила рекорд», как многие выражаются, в жестокости политических кар. Великая революция обагрила себя потоками крови «революционных трибуналов», которые в дни террора не знали другого наказания, кроме смертных приговоров, в чем им до сего дня подражают военные суды. И у них «сказ» короткий: «Повесить!» А в виде особой милости: «Расстрелять!»

Бойня в дни французского террора воспитала в народе, в уличной толпе и в более образованном классе кровожадную похоть к таким отвратительным зрелищам. Палачи, рубя по несколько десятков голов сразу лучших сынов родины, издевались над ними, а отвратительные бабы, известные под прозвищем «les toirotteuses», сидя под эшафотом, вязали чулки и провожали осужденных циничными криками и ругательствами.

Политические взгляды и принципы (т. е. то, в чем нет и подобия какого бы то ни было «преступления») сделались в культурной Европе главным поводом к беспощадным казням, и Франция только Наполеону III (уже настоящему злодею перед народом и законной конституцией) была обязана отменой смертной казни за государственные преступления, что не помешало ему казнить Орсини, друга Герцена, когда дело дошло до собственной skóry; а император не был тогда при взрыве бомбы у Оперы даже ранен!

Француз с «традициями» — настоящий буржуа. В Париже и в провинции всякий аристократ — клерикал и патриот, судейский, даже адвокат, католические патеры и их духовные «дщери», миллионы французов всех классов и слоев общества, крестьяне-собственники, военные — все стоят горой за гильотину, все равно, как за неприкосновенность красных штанов у солдат: «Le pantalon garance!»¹³⁾

Будь это иначе — разве смертная казнь за общие преступления держалась бы еще в республике, имеющей демократическое представительство и избравшей своим девизом: «liberte, egalite...» и в особенности «fraternite»¹⁴⁾ ?

III

Кто жила в Париже подолгу, как я, тот знает, что это было за отвращение: публичные казни, происходившие около тюрьмы «La Koquette». Гаже, гнуснее этого нельзя было ничего и вообразить!

¹³⁾ Красные форменные штаны (франц.).

¹⁴⁾ Свобода, равенство, братство (франц.).

Тысячи народа, от светских виверов и первоклассных кокоток до отребья — сутенеров, уличных потаскушек, воров и беглых каторжников проводили всю ночь в окрестных кабаках, пьянствовали, пели похабные песни и с рассветом устремлялись к кордону солдат, окружавшему площадку, где виселись «les bois de la justice»¹⁵⁾, как официально называют этот омерзительный аппарат.

Издали нельзя было хорошенько видеть, но вся эта масса чувствовала себя в восхищении только от того, что она «была на казни», так лихо и весело провела ночь в ожидании такого пленительного зрелища.

Я все это говорю на основании тех газет, тех отчетов, которые приходилось читать в те годы и всегда с омерзением. И чего я, грешный человек, никогда не мог простить Тургеневу, это того, что он по доброй воле отправился на казнь Тропмана как почетный гость и «знатный иностранец» — того знаменитого Тропмана, убийцы целой семьи, которую он заманил и поодиночке всех перерезал.

Как бы ни соблазнительно было для художника-писателя изобразить то, что он может видеть, ему следует сдерживать в себе это нездоровое любопытство. И описанная Тургеневым казнь Тропмана совсем не вызывает того отвращения, какое она сама по себе, по своей идее, должна бы вызывать в каждом истинно гуманном человеке. Каково бы ни было злодейство преступника, оно не ниже сортом **законного** злодейства власти, которая **так** понимает и отправляет правосудие.

В натуре среднего француза сидит еще много жестокости. Это всегда прорывается в революционные эпохи, в ужасах междоусобной войны.

Когда версальцы взяли Париж у коммунаров, в 1871 году, каннибальская жестокость «карательных» отрядов (которых теперь столько расплодилось) дошла до апогея. Генерал Галлиф, когда вел пленных коммунаров в Версаль, остановив их на пути, расстреливал целыми сотнями. Это были не убитые на войне, а казненные без подобия суда. Таким подвигам могут позавидовать и те начальники, которые после московского восстания и в Остзейском крае собственноручно (если верить газетным отчетам) расстреливали рабочих, крестьян, машинистов и начальников станций.

И версальские правосудны, обходя закон, запрещавший смертную казнь за политические преступления, нарядили военный суд, который троих коммунаров приговорил к расстрелу. Я был на этих заседаниях в августе 1871 года и до сих пор слышу гнусавый голос военного обвинителя, какого-то «бурбона» в майорском чине, вижу его уродливую жестикуляцию, сопровождавшую выкрикивания настоящего «запечных дел мастера».

¹⁵⁾ Виселицы (франц.).

IV

И у нас казни давались как всенародные зрелища, вплоть до последнего времени, когда их стали немного стыдиться и производить кровавые экзекуции или безмолвные вздергивания на виселицы келейно, во дворах крепостей и тюрем в такие часы, когда все еще спит.

Картина Верещагина, запрещенная до сих пор в России, обошла оба полушария. На совести покойного художника, так трагически погибшего, осталась его склонность присутствовать при казнях, чем он увлекался и в Турецкую кампанию. Но он взял главным сюжетом своего громадного полотна не самую казнь — ее видно только издали, сквозь петербургскую мглу, — а публику. Он поставил всех этих бесчисленных зрителей спинами и боком к тем, кто смотрит на картину. Прием ловкий!.. А было бы лучше изобразить полную игру физиономий, показать, насколько все эти обыватели всякого ранга и звания **устрашены** казнью; а ведь это, т. е. устрашающее воздействие публичных казней, защитниками их и считается все еще главным аргументом в пользу смертной казни вообще.

В этих фигурах в пол- и четверть лица, со спинами, обращенными к смотрящему на картину, нет никакого ужаса, а только пошлое любопытство, равнодушие и кое у кого злорадство — у тех, кто при проезде осужденных на казнь из крепости на плац зубоскалил над ними. И нашлись писатели «с именем», которые подобрали тогда эти прибаутки толпы.

И наш народ, мягко относящийся к осужденным преступникам, можно легко довести до озверения. Не нужно сентиментальничать!.. И в нем зверские инстинкты возмездия сказываются достаточно. И в нем нетрудно разбудить зверя. Самосуд крестьянской толпы ужасен. То, что в деревнях делают с конокрадами, известно всем и каждому, а ведь это не что иное, как народно-русский закон Линча.

Еврейские погромы и зверства черных сотен (в ужасные дни после 17 октября), какие учинялись и над природными русскими, над интеллигентами, над юношами и подростками гимназий, курсов, университетов, достаточно показывают, что, если б всех этих защитников «истинно-русских начал» заставить голосовать по вопросу о смертной казни, они, как один человек, стали бы за нее!

Но разве одни только черносотенцы из уличного сброда стоят за казни и экзекуции? Разве петербургская газета, отличающаяся своим «откровенным» направлением, не печатает апологий смертной казни своих почетных сотрудников, причисляющих себя также к сливкам интеллигенции? И если вы знаете, что это за личности, что это за продукты нашего бюрократического болота, то один тот факт, что они именно выступают с пеной у рта за смертную казнь, сам за себя говорит!.. Их скандальная нравственная негодность, смрад и гниль их душонок ждали только такого случая — распустить свое удушливое зловоние... Защита законного

злодейства никому не могла быть поручена с большим правом, как таким приспешникам всякого насилия, хищничества и распутства!..

V

Что того же русского безобидного мужичка, переделанного в живую машину, в солдата можно легко превратить в полчище палачей, слишком ярко показали позорные ужасы китайских погромов, предтеч таких же позорных поражений японской войны.

Эти бойни и массовые потопления мирных обывателей в Благовещенске!.. После Ивана Грозного, смирявшего таким же способом новгородцев и псковичей, ничего подобного не происходило ни в Западной Европе, ни в колониях, не исключая и жестоких расправ англичан с сипаями. Но те были вооруженные инсургенты, а тут беззащитное стадо безоружных китайцев, женщин, детей, стариков...

И эти человеческие «гекатомбы» были не что иное, как массовые казни над населением целых городов и областей. Чтобы их исполнять, и офицерам, и простым рядовым нельзя не таить в себе задатков жестокости. Тут нечего оправдываться дисциплиной, исполнением долга! Такие факты в стране с развитым гуманным чувством должны были бы вызывать не единичные протесты в газетах, а всенародное возмущение совести христианской нации.

А чем хуже собственноручные экзекуции в Москве, ее окрестностях и в Остзейском крае? Эти казни даже специалисты по военно-судной науке называют в печати убийствами.

А мы требуем, чтобы не было **никаких** расстрелов, **никаких** казней **и по суду!** Мы живем в государстве, где верховная власть еще полтора века назад торжественно отменила смертную казнь за какие бы то ни было преступления. Но эта отмена была и остается по сегодня облыжной, существующей только на бумаге, да и то лишь для общих уголовных дел. Политические преступления изъяты из категорий тех деяний, которые смертью якобы не наказываются. Исключительные виды репрессии, чрезвычайные охраны и военные положения с их расстрелами и виселицами в корень извращают то, что было создано более гуманным настроением законодателя.

Рухнет казнь за гражданскую борьбу, за взгляды и принципы, за пропаганду, даже за насилия и кровь междоусобных схваток, не будет больше и никаких других «законных» видов казни и за общие преступления.

В этом лежит ядро постыдного вопроса: имеет ли государство право насильственно отнимать жизнь у своих граждан, то есть ограждать себя таким печальным подражанием... самым закоренелым злодеям?

Настанет ли час, когда все, кто считает себя людьми, крикнут: «Нет, не имеет!»

МНЕНИЯ РУССКИХ КРИМИНАЛИСТОВ ¹⁶⁾

М. Н. Гернет СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Гернет Михаил Николаевич (1874-1953) — русский советский юрист, специалист в области уголовного и исправительно-трудового права. Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор. В 1906 году выпустил сборник «Против смертной казни», куда вошли статьи видных русских юристов, философов, писателей и церковных деятелей, а в 1913 году опубликовал монографию «Смертная казнь». Перу М. Н. Гернета принадлежит огромное количество работ по вопросам уголовного права, уголовной статистики, криминологии и пенитенциарии.

Особенно известно его исследование: «История царской тюрьмы» в пяти томах.

Из кн.: Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913.

Говоря о смертной казни, необходимо отличать ее положение в законодательствах от ее положения на практике: отмена смертной казни в уголовных уложениях не всегда вела к прекращению ее применения, и, наоборот, известны примеры ее полного фактического вымирания при ее существовании в законодательствах.

Пример полной отмены смертной казни в законодательстве был дан Россией, где еще в 1744 году было сделано распоряжение императрицей Елизаветой о представлении ей на рассмотрение всех смертных приговоров, а 30 сентября 1754 г. состоялся указ сената об отмене смертной казни и о замене ее пожизненными каторжными работами с клеймением преступника клеймом «Вор» на лбу и щеках и вырезыванием ноздрей. Однако позднейшая судебная практика истолковала этот указ, как отменяющий смертную казнь не за все преступления, и поэтому смертные приговоры были вынесены и приведены в исполнение, например, в 1764, 1771, 1775 годах и др.

Но отмена казни в действительности в России не совершилась, так как заменившее ее наказание кнутом с обязательным требованием производить его «жестоко» было замаскированной смертной казнью. Тем не менее нельзя не признать громадного значения за повелениями императрицы Елизаветы: институт легального убийства получил первый серьезный удар. Если смертная казнь не исчезла вполне из русского законодательства, то

¹⁶⁾ Статьи, источник которых не указан, взяты из сборника (под. ред. М. Н. Гернета) «О смертной казни. Мнения русских криминалистов». М., 1909.

область ее применения была сужена до пределов, не известных европейским законодательствам не только того времени, но и более позднего.

Смертная казнь считает годы своего существования тысячелетиями, а свои жертвы — миллионами. Пройдя долгий кровавый путь, она с гордостью указывает своим противникам, что ее жертвенники стоят почти во всех государствах. Это — верно. Но несомненно также, что все еще страшная своею силою, продолжающая сокрушать ежегодно сотни человеческих жизней, она с каждым годом слабеет. Совершавшаяся ранее среди торжественной обстановки, при свете яркого солнца, она спряталась теперь в мглу темной ночи или в потемки раннего утра. Не знавшая ранее врагов, не имевшая противников, она теперь принуждена вести упорную борьбу за свое сохранение, и в лицо ей все чаще бросают позорные упреки и тяжкие обвинения. В законодательных учреждениях некоторые партии энергично борются за ее отмену.

За истекшее XIX столетие значительно сокращено число случаев ее возможного применения. Область ее применения в более отдаленном прошлом была почти беспредельна. Не было ни одного преступления, сколько-нибудь серьезно затрагивавшего интересы правительства и господствовавшего класса, за которое закон не грозил бы смертной казнью. Применение ее оправдывалось указаниями на «общественную пользу», которая понималась довольно своеобразно. Известен закон Древнего Рима, предписывавший предавать казни не только раба-убийцу своего господина, но и всех других рабов, которые жили при том же господине. В правление Нерона один помещик был убит рабом, мстившим ему за гнусное насилие над ним. Согласно закону, должны были подлежать казни свыше 400 рабов, совершенно непричастных к преступлению. Такая массовая казнь волновала народ, но тем не менее она была совершена по настоянию сенаторов, требовавших ее во имя «общественной пользы», то есть пользы класса рабовладельцев.

Классовые неравенства находят свое яркое отражение в законодательстве о смертной казни. Жизнь лиц из низших классов почти совсем не ценилась. В Индии судра подлежал смертной казни за целый ряд преступлений, которые не считались преступными, если их совершал брамин.

Кража цветка из сада брамина влекла за собою для судры увечашее наказание — отрубание руки или даже смертную казнь. Позднее, при замене рабства крепостничеством, положение мало изменилось, и крестьяне подлежали казни даже за такие проступки, как ловля раков в озерах помещика или охота в его лесах. Ордонанс 1386 года, изданный в Париже, грозил смертной казнью за расстановку тенет для поимки голубей. Одним из наружных показателей могущества сеньора была воздвигнутая в его владениях виселица: у герцога она была о шести столбах, у барона — о четырех, у шателена — о трех и у остальных только о двух столбах.

Мы поэтому не удивляемся, что сознательные представители трудящихся классов населения заявили себя в массе более энергичными противниками смертной казни, чем, например, аристократия и духовенство, среди которых, наоборот, часто встречаются сторонники этого наказания. Так, в конце XVIII века вопросы уголовного законодательства подвергаются всенародному обсуждению при составлении в 1789 году наказов депутатам, посылаемым в Париж для работы над обновлением государственного строя.

Менее всего интересовал вопрос о смертной казни духовенство. Только в двух наказах оно высказывается за ограничение этого наказания. Духовенство же г. Нанси требует, чтобы законы, изданные против дуэлей, соблюдались со всей строгостью. Следует заметить, что эти законы были в высшей степени жестоки: дуэлянты подлежали смертной казни; в случае бегства виновного, он осуждался заочно, и казнь исполнялась над изображением осужденного; казни исполнялись даже над трупами убитых на дуэли; лакеи и прислуга, передавшие письмо с вызовом на дуэль, подлежали телесному наказанию и клеймению раскаленным железом.

Интересно выяснить отношение избранных депутатов к смертной казни.

Франция переживает революцию. Дух народа приподнят как никогда. Национальное собрание слушает доклад депутата Лепельтье-Сан-Фаржо. Он критикует современное ему кровавое законодательство и требует полной отмены смертной казни за одним исключением: глава партии, объявленной декретом законодательного собрания революционной, должен быть казнен не для искупления своей вины, но ради безопасности государства. Этот доклад и прения по нему, бывшие более ста лет тому назад, полны глубокого интереса.

«Закон тем менее достигает цели, чем более он расходится с гуманностью». Таково основное положение докладчика, из которого он делает вывод, что первым требованием уголовного закона является его гуманность. Жестокий закон, противный общественному мнению, не применяется, и преступление остается безнаказанным. В виде примера он указывает на требование закона казнить за кражу у господ, «но господа предпочитают теперь прогнать неверного слугу, нежели донести на него властям; если же дело доходит до суда, то государственный обвинитель, свидетели и потерпевший и даже сами судьи входят между собою в соглашение для защиты обвиняемого от смертной казни и оправдывают его». (Заметим здесь, что именно этими соображениями безнаказанности преступления объясняется петиция банкиров в Лондоне в начале XIX века: более 1000 банкиров и купцов просили парламент об отмене смертной казни за подделку банковых билетов и мотивировали свою просьбу, между прочим, тем, что громадное число оправданий за это преступление объясняется нежеланием применять смертную казнь: «опасность грозит, — писали они, — самому праву собственности».)

Вторым требованием уголовного наказания Лепельтье-Сан-Фаржо считал соразмерность между виною преступника и применяемой к нему карой;

применение же смертной кары к вору, совершившему кражу со взломом, и к убийце является нарушением этого требования.

Исходя из принципов устрашения и исправления, Лепетелье требовал от наказания, чтобы оно было длящееся, публичное и отбывалось, по возможности, в месте совершения преступления.

Переходя к вопросу о смертной казни, докладчик не останавливается на пресловутом вопросе о праве на наказание. Государство имеет это право так же, как имеет право убивать врагов во время внешней войны. Преступник — внутренний враг, и, если нет других средств побороть его, смертная казнь необходима. Но способна ли она остановить движение преступности? По мнению докладчика, — ни в каком случае. Никогда боязнь смерти не останавливает преступника. Он всегда надеется избежать наказания. Простая, неквалифицированная смертная казнь, о которой теперь только и может идти речь, не устрашает, а зрелище казней развращает зрителя. Однако эта критика не помешала автору предложить в замену смертной казни продолжительное суровое заточение с предварительной трехдневной публичной выставкой в кандалах у позорного столба на площади. Имя осужденного, его преступление и приговор должны быть написаны на доске над головой преступника. На этой же доске должно быть описано и наказание, предстоящее виновному: «одно из наиболее горячих желаний человека — быть свободным, потеря свободы будет первым условием его наказания. Вид неба и света — одна из самых приятных радостей; осужденный будет заключен в темный карцер. Общество и общение с людьми необходимы для счастья людей — осужденный будет содержаться в полнейшем одиночестве. Его тело закут в железо. Хлеб и вода будут его пищей, солома для подстилки будет дана в необходимом размере»... «Но не будем забывать, что всякое наказание должно быть гуманно, и внесем некоторое утешение в этот темный карцер страдания. Первое и главное смягчение этого наказания — сделать его временным... Слово «навсегда» — страшно и неразрывно связано с чувством отчаяния. Преступник должен постепенно получать разные льготы и облегчение своего положения».

Предложение об отмене смертной казни было отвергнуто почти единогласно. Публика, переполнявшая трибуны, была на стороне защитников смертной казни и аплодировала решению Национального собрания сохранить эшафот и на будущее время. Из речей ораторов, выступавших за отмену смертной казни, мы остановимся на двух наиболее интересных. Одну из них произнес знаменитый Робеспьер, а другую, очень обширную и всесторонне освещавшую вопрос, депутат от г. Парижа Дюпор. Робеспьер доказывал, что смертная казнь несправедлива и бесполезна. «Победителя, умерщвляющего побежденного врага, зовут варваром. Человек, убивающий ребенка, которого он может обезоружить и наказать, — чудовище. Обвиняемый, которого осуждает на смерть общество, тот же побежденный и беспомощный неприятель; он, сравнительно с обществом, еще более слаб, чем ребенок перед взрослым... И поэтому в глазах правды

и справедливости эти сцены казней — лишь отвратительные убийства». Варварский закон налагает цепи на человека; он — оружие, которым пользуются деспоты, чтобы подчинить народ своему игу; он написан кровью... О необходимости смертной казни говорят защитники старой, варварской рутины. Но разве государство не располагает другими средствами для борьбы с преступлениями? Закон должен быть образцом справедливости. Но, если он заставляет проливать человеческую кровь и показывает народу сцены жестокости и убийства, то он действует развращающе».

Речь Дюпора была произнесена от имени комитетов по пересмотру уголовного законодательства и конституционного.

Она произвела впечатление на слушателей, но враждебное отношение большинства аудитории было очевидно для оратора, и он с грустью сознавал, что его речь лишь отсрочивает на четверть часа торжество смертной казни. Лишь один раз Национальное собрание аплодировало Дюпору, когда он возражал защитнику казни в рясе. Это духовное лицо прервало речь Дюпора возгласом, что смертная казнь допущена к употреблению Библией. Дюпор напомнил ему, что братоубийца Каин не был казнен, а Национальному собранию он напомнил, что в 8-й статье «Декларации прав человека и гражданина» оно само признало: «Закон может устанавливать лишь действительно и очевидно необходимые наказания», смертная же казнь не принадлежит к числу таких наказаний. Она не устрашает преступников; они видят в ней лишь ее материальную сторону, нравственная сторона их не касается; наказание смертью для них только смерть, а смерть — дурная четверть часа.

В речи Дюпора сторонники обоих новых течений в области уголовного права при желании могли бы найти их основные идеи. «Убийца — поистине больное существо», — вот мысль Дюпора, которая несколько десятилетий спустя нашла себе выражение в трудах уголовно-антропологической школы. Но в то время как антропологи пришли к оправданию казни неисправимых прирожденных преступников, Дюпор видел в болезненности убийц довод против смертной казни. Идея же социологической школы выражена оратором в признании, что и жестокие преступления имеют свои причины, на которые необходимо реагировать. Это — крайняя нищета и безнадежно тяжелое положение. Необходимы предоставление работы желающим и помощь не имеющим возможности работать. С глубокою верою в социальное происхождение преступлений Дюпор говорил Национальному собранию: «Вы сочли совершенно правильно одною из главных ваших обязанностей составление уголовного уложения, но я решаюсь заявить вам, что три четверти этого уложения заключаются в той работе, которую должен представить вам ваш комитет о нищенстве».

В Конвенте вопрос об отмене смертной казни возбуждался шесть раз, прежде чем было принято предложение о ее отмене, впрочем лишь со дня опубликования о наступлении общего успокоения.

Как известно, во Франции не было опубликовано о наступлении успокоения, и смертная казнь осталась неотмененной. Буржуазная революция удовлетворялась провозглашением красивой формулы отмены смертной казни точно так же, как, провозгласив свободу, равенство и братство, не дала народу ни свободы, ни братства, ни равенства.

Особый интерес представляет странное на первый взгляд явление: в рядах защитников смертной казни видное место занимают служители христианской церкви. Защита смертной казни «служителями Христа», «учителями слова Божьего» всегда вызывала большое удивление и поражала своей неожиданностью.

Однако история борьбы со смертной казнью показывает нам, что эти неожиданности повторялись слишком часто и пора бы уже привыкнуть к ним. Пока церковь была гонимой в первые века христианства, духовенство и на словах и на деле было горячим противником казней. Но наступили новые времена, и положение резко изменилось. Уже при Феодосии IV появляется в католической церкви смертная казнь даже за религиозные преступления. Она встречает резкое осуждение со стороны некоторых христианских учителей, но быстро входит в употребление и получает сильное распространение. Сотни тысяч еретиков и колдуний находят себе мученическую смерть на кострах инквизиции. Но духовенство еще избегает заявлять себя сторонником смертной казни. Оно еще соглашается, что пролитие крови настолько противно религии, что, отказываясь само присуждать к смертной казни, оно обходит запрет Христа о пролитии крови и отдает осужденных ему в руки светского палача или отправляет их на костер для сожжения заживо «без пролития крови».

Но наиболее ярко обнаруживается отношение духовенства к казни начиная с XVIII века в законодательных учреждениях Западной Европы. Некоторые из представителей духовенства, не ограничиваясь своей ролью в законодательных собраниях, пропагандируют идею смертной казни и ее «божественного установления» в периодической печати, проповедях и на собраниях. Конечно, мы не думаем утверждать, что все духовенство во всей его массе является сторонником смертной казни. Нам слишком хорошо известны выступления в русской и иностранной печати духовных писателей против смертной казни. Еще не забыты в России речи, произнесенные в первой и второй Думе скромными сельскими священниками против казней. Известны также примеры, когда духовенство в прежнее, уже давно минувшее время, ходатайствовало о помиловании осужденных. Но бросается в глаза совершенно иное отношение к казни со стороны преимущественно высшего духовенства.

Так, в заседании Государственного Совета 27 июня 1906 г. протоиерей Т. И. Буткевич произнес обширную речь в защиту смертной казни, хотя и относил себя к непримиримым противникам всякого пролития крови: «Слишком смелы те комментаторы новозаветного учения, которые утверждают, будто бы в Евангелии есть прямое осуждение смертной казни...

Такого осуждения я не нахожу». Оратор склонен думать, что смертная казнь не самое суровое наказание. Он осматривал один из казематов старой Шлиссельбургской крепости и «ужаснулся человеческой жестокости... У меня, — говорил он, — не станет духа спросить вас, милостивые государи, что хуже для человека: моментальная ли смертная казнь или подобное многолетнее заключение в Шлиссельбургском каземате».

В наказах дворян выражается желание об усилении репрессии, о введении смертной казни за целый ряд преступлений, а если и они просят о смягчении наказаний, то для своего сословия.

Как верно замечает проф. Малиновский, такое настроение в пользу смертной казни свойственно было не только рядовому захолустному дворянству. Оно разделялось, например, одним из просвещеннейших людей XVIII века историком кн. Щербатовым, который полемизировал с Беккарией и доказывал необходимость смертной казни.

Все последующие проекты уголовного уложения в России, выработанные представителями высшего чиновного мира, уделяли столь же широкое место наказанию смертью, сколь проведению резкого различия в положении дворянина и не дворянина перед лицом уголовного правосудия. Исключение в этом отношении составили дворяне-декабристы. В выработанном ими проекте русской конституции и в Наказе Временному Верховному Правительству они потребовали, чтобы «законы, особенно уголовные, были одинаковы для всех состояний»; вместе с тем они самым решительным образом высказались против смертной казни. Стоявший во главе заговора Пестель записал в свою «Русскую Правду»: «Смертная казнь никогда не должна быть употребляема». Он мотивировал это возможностью судебных ошибок.

Борьба против смертной казни стала теперь сильнее. Проф. Prins объясняет это положением Европы: «Когда вспоминают, что современная борьба человека отнимает преждевременно жизнь у честных людей и жертвует полезными работниками на полях сражения, при различных междоусобиях и при несчастных случаях на работе, то говорят, что наша цивилизация мало ценит человеческую жизнь и что нет соответствия между этой гекатомбой и заботами, с которыми она относится к вредным членам». Нельзя не признать, что человеческая жизнь, действительно, до сих пор ценилась и теперь ценится очень дешево. Но когда в ответ на требования человеческого отношения к преступнику сторонники смертной казни упрекают своих противников в сентиментальности, то они совершают очевидную и грубую ошибку. Не без остроумия итальянский криминалист и депутат Турати называл призывающих к жестокости в борьбе с преступностью террористами; в согласии с наиболее эгоистичной и трусливой частью общества они, говорит он, железною рукой аплодировали смертной казни, требовали поменьше школы, побольше розги; перед печальным и нелепым явлением, что тюрьма слишком часто предпочитается

мышинной норке рабочего, они не видели другого средства, как ухудшения первой.

В истории борьбы против смертной казни в России за последние восемь лет ее усиленного применения имеется немало примеров того или другого отношения к этому вопросу различных слоев русского общества. Но историку приходится говорить здесь более о поразительно единодушном отрицании этого наказания, чем о его одобрении. В самом деле. Дума 1-го созыва уже во втором заседании (29 апреля 1906 г.) единогласно приняла предложение: «возложить на комиссию неременную обязанность внести в адрес указание на безусловную необходимость ныне же приостановки смертной казни по всем делам, политическим и уголовным, в общих и военных судах до тех пор, пока не будет окончательно и раз навсегда отменена смертная казнь в России».

Это предложение было внесено представителями конституционно-демократической партии. В третьем заседании социал-демократы предложили, «чтобы, не ожидая выработки адреса, Дума выразила свою и народную волю об амнистии и об отмене смертной казни через своего председателя Государю».

18-го мая конституционно-демократическая партия внесла проект отмены смертной казни, и в тот же день Дума передала его в комиссию с поручением представить доклад не позже следующей недели. Предложение трудовиков о немедленном обсуждении проекта было отвергнуто. Через месяц, 19 июня, проект отмены смертной казни был принят **единогласно**, при громе продолжительных аплодисментов.

Проекты отмены смертной казни были внесены трудовиками и конституционно-демократической партией и в Думу 2-го созыва. Через несколько заседаний Дума была распущена, и проект остался необсужденным. Но отношение Думы к наказанию смертью ясно выразилось при обсуждении проекта отмены военно-полевых судов.

Дума 3-го созыва дала, как известно, новую группировку политических партий: в нее вошли большей частью сторонники правых политических течений или близких к ним. Отношение Думы к смертной казни поэтому также резко изменилось. Левые партии внесли 19 июня 1908 г. за 103 подписями проект ее отмены, но господствовавшее в Думе большинство (правые, партия 17-го октября, националисты) не спешило с его обсуждением. Только 28 января 1909 г. вопрос об отмене был передан в особую подкомиссию и комиссию по судебным реформам; обе высказались против отмены смертной казни. Попытки ускорить обсуждение Думою проекта не привели к желательным результатам.

Такое отношение к институту наказания смертью является вполне характерным и обычным для партий центра и правых. Последние поднимали свой голос с требованием казни в то время, когда страницы периодической печати покрывались бесчисленными протестами против этого наказания и когда ни одно публичное собрание не обходилось без принятия

соответствующих резолюций. «Союз русского народа» по телеграфу еще в 1906 году посылал ходатайства, печатавшиеся в «Правительственном вестнике», об удержании смертной казни... Так, телеграмма из Рузы гласила: «Союз русского народа» в городе Рузе умоляет тебя, Государь, о сохранении смертной казни, неприменение которой, а также дарование амнистии поведут, по крайнему нашему разумению, к ожесточению и самосуду над крамольниками». Такого же содержания были телеграммы и от других отделов означенного союза.

Если в этих телеграммах говорится об ожесточении и предстоящем самосуде над крамольниками в случае отмены смертной казни, то сторонникам ее отмены приходилось выслушивать сходные угрозы даже убийством. Перед обсуждением проекта отмены в Государственном Совете некоторые его члены получили письма одинакового содержания с печатью, изображающей череп и две сложенных накрест кости: «Вы добиваетесь отмены смертной казни для того, чтобы дать революционерам совершать безнаказанно государственные преступления. Мы не можем допустить, чтобы банда сановных крамольников тиранила мирное население и заливала Россию кровью ее верных сынов. Знайте, что как только ваше стремление исполнится и смертная казнь будет отменена, мы первые воспользуемся тотчас же данной вами свободой для того, чтобы безнаказанно свести счеты с такими радетелями родины, как вы. Если у законной власти отнимается сила, мы будем вынуждены взять ее себе. Палка о двух концах. Если вы дадите возможность революционерам терроризировать население, нам останется для спасения родины ответить террором, первыми жертвами которого падете вы. Закон пройдет, — готовьтесь к смерти».

Агитация правых партий в пользу смертной казни никогда не встречала сочувствия в широких кругах народа. Наоборот, отрицательное отношение последних к этому наказанию обнаруживается из целого ряда фактов. Депутаты крестьяне и рабочие в первой и второй Государственной Думе были горячими противниками наказания смертью. Среди печатавшихся в газетах протестов часто встречались подписанные исключительно рабочими или крестьянами. Среди просмотренных нами протестов крестьян встречаются наивные по форме, но интересного содержания. Так, в одном из таких протестов мы прочли: «Мы, крестьяне... пришли к заключению, что нам необходимо отменить смертную казнь. Убить человека можно, а воскресить его не воскресишь никогда, никакими сказочными водами. Много много погибает людей безвинно — напрасно и никогда не возвратишь». Среди 75 наказов крестьян Самарской губернии депутатам первой Думы мы нашли 37 наказов с требованием отмены смертной казни.

Достаточно ясным показателем отрицательного отношения широких слоев России к наказанию смертью может служить самое число подписывавшихся под протестами. В самое короткое время, например, в «Русские ведомости» было доставлено около 25 000 подписей, не считая коллективных заявлений,

которые должны были дать еще большие цифры. Наконец, вся русская печать, за исключением крайнего правого направления, упорно боролась и борется против смертной казни.

* * *

Как ни трудно прибавить что-нибудь новое к доводам против смертной казни, но окружающая нас русская действительность с ее ежедневными смертными приговорами и с ее еженощными приведениями их в исполнение дает все новые и новые факты, громко кричащие об ужасе, бессилии и несправедливости этого наказания.

Эти факты, страшные своей лаконичной краткостью, вскрывают такую глубокую бездну человеческого страдания, при взгляде на которую голова кружится, сердце перестает биться и ум отказывается понять, что мы, люди XX века, являемся современниками этих фактов и что оправдание им ищут в нашем благе, в благе «общества».

Не претендуя на новые доводы против смертной казни, мы ограничиваем нашу задачу указанием лишь некоторых новых фактов. Мы могли бы привести их, к сожалению, слишком большое число, но считаем это лишним: каждый из них настолько ярок до ослепительности, что мы можем быть очень кратки.

Сторонники смертной казни считают ее главным достоинством, что она истребляет преступников и устрашает их. Опровержением правильности этого утверждения являются события нашей русской жизни. Трудно найти город, где бы вслед за применением смертной казни не было новых случаев совершения преступлений, тождественных тем, за которые была применена смертная казнь. Из опубликованных в печати сведений, доставленных Министерством внутренних дел в Государственную Думу, видно, что число приговоренных и казненных непрерывно увеличивалось, начиная с 1905 года вплоть до 1909 года. Так, военно-окружными судами были вынесены и приведены в исполнение смертные приговоры по делам о лицах гражданского ведомства:

год	осуждено	казнено
1905	72	10
1906	450	144
1907	1056	456
1908	1741	825

Кроме того, по приговорам военно-полевых судов казнено с 19 августа 1906 г. по 20 апреля 1907 г. — 683 чел.

Эти громадные цифры показывают, что смертная казнь не истребила преступников и не остановила новых преступлений. В русской криминалистической литературе, начиная с учебника проф. Спасовича и

блестящей страницы в курсе проф. Таганцева, не раз указывалось на полное бессилие смертной казни в борьбе с политической преступностью. Правильность этой мысли еще раз подтверждается не только приведенными выше статистическими данными, но и появившимися за последнее время в печати известиями о последних словах казненных и их предсмертными письмами. В «Руси» были напечатаны следующие последние слова приговоренного к казни и казненного Пулихова: «В горящем доме разбитых стекол не считают — так сказал Дурново. Я — только одно из этих стекол в многоэтажном, рассыпающемся здании. Пусть будет так, но я счастлив тем, что, пока я жил, сквозь это стекло проникал, хотя тусклый, свет во внутрь этого здания. Здание горит: пусть моя жизнь сегодня оборвется, но сквозь разбитое стекло, я верю, ворвется внутрь порывистый ветер, еще ярче раздует горящее пламя... Я счастлив, клянусь вам, я не лгу. Как горячую волну смыло с меня в эти минуты всю душевную нечисть, всю ложь. Огромную отраду доставляет мне в эту минуту мысль о вас, моих близких, дорогих. Прощайте».

В докладе, представленном комиссией судебных реформ, гражданского и уголовного законодательства французской палате депутатов по вопросу об отмене смертной казни, мы находим следующий разительный факт полнейшего бессилия этого наказания как средства устрашить обыкновенных преступников. Это было в 1894 году. Толпа, собравшаяся на площади Melun, ждала исполнения казни над неким Шерером. Один из зрителей, чтобы лучше видеть казнь, забрался на дерево перед гильотиной. Жандармы пытались снять его оттуда, но он залез еще выше. В это время привезли осужденного, и жандармы были принуждены оставить любопытного зрителя на дереве. Он слез оттуда лишь после того, как нож гильотины отрубил голову осужденного. Год спустя, на этом же самом месте, на этой же площади Melun совершалась новая казнь за преступление, аналогичное преступному деянию Шерера. На этот раз казнили того самого зрителя, который год тому назад «любовался» с дерева казнью Шерера.

Другой довод сторонников смертной казни — оправдание ее целями «справедливого возмездия». Эта своеобразная «справедливость» будто бы требует страдания-наказания, эквивалентного тяжести преступления. Такая теория, являясь плодом отвлеченной мысли, не знает или не хочет знать всей тяжести наказания смертью, перед которой бледнеют мучения жертвы убийства. Именно с этой точки зрения была освещена психология казнимых в русской и иностранной беллетристике. На эту же точку зрения встал доктор Н. Н. Баженов в очерке, напечатанном в сборнике «Против смертной казни». Весь ужас смертной казни, во много раз превышающий ужас жертвы убийства, виден не только там, где под тяжестью смертного приговора осужденный падает на колени и молит о пощаде, но и там, где казнимый умирает, стараясь показать свое хладнокровие и даже радость перед смертью.

Величайшая ошибка сторонников смертной казни, видевших в ней справедливое возмездие, лежит в их мысли, что все наказание смертью сводится к отнятию жизни. Но в громадном большинстве случаев физические муки смертной казни ничто в сравнении с психическими муками ожидания смерти, расставания с родными и близкими и отвращения к объятиям палача. Эти муки заставили пятнадцать заключенных Александровской каторжной тюрьмы братски поделить между собою яд для своей отравы. Эти же муки вызывают эпидемию самоубийств в других тюрьмах, где осужденные к смертной казни или ожидающие смертного приговора вешаются, отравляются, перерезывают себе артерии кончиком стального пера (в Тамбовской тюрьме). В Курской тюрьме приговоренный к смерти отнимает револьвер у надзирателя тюрьмы, стреляет в двух своих осужденных товарищей и кончает с собою самоубийством из этого же револьвера. В Лысогорском форте привезенный для казни Юрченко бросается в кандалах бежать и пробегает в темноте около полуверсты, прежде чем успевают догнать его...

Тяжесть смерти от руки палача в приведенных случаях слишком очевидна. Но нужно быть слепым, чтобы не видеть психических мук смертной казни даже там, где из-под ножа гильотины несутся торжествующие крики анархиста Казерио: «Да здравствует анархия!»; где в экстазе идеи, захватившей все существо приговоренного, он пишет в своем предсмертном письме о безмерном ожидающем его счастье, об ожидающей его на пороге одиночной камеры смерти; где казнимый с гордостью отказывается от повязки на глаза перед расстрелом; где жестокий убийца Эйро с презрением кричит стоящим у гильотины представителям правосудия: «Вы хуже убийцы, чем я!».

«Наказание должно быть индивидуально». Таков принцип современной карательной политики в ее борьбе с преступностью. Однако вопреки этому принципу всякое наказание в той или другой степени отзывается на близких приговоренного. Но противоречие смертной казни этому принципу настолько велико, что оно несет страдания людям, совершенно посторонним для осужденных: оно несет им даже сумасшествие и самоубийство. О величине этого страдания свидетельствует следующий факт, имевший место в С.-Петербурге: на петербургской станции финляндской железной дороги покончил с собою, бросившись под отходящий поезд, 50-летний священник села Ново-Елизаветинского Днепровского уезда Таврической епархии о. Александр Пономарев. Он положил свою седую голову на рельсы, и колеса паровоза ее отрезали. Старик приехал в С.-Петербург хлопотать о смягчении смертных приговоров Екатеринославского суда. Потрясенный отклонением его ходатайства он покончил с собою самоубийством... Другой факт имел место в Киеве. Товарищ прокурора Киевского окружного суда Воробьев присутствовал по назначению суда при совершении смертных казней. Он заболел буйным помешательством и все время кричит: «Я убийца, палач»...

С тех пор как смертная казнь сделалась предметом обсуждения законодательных собраний, вопрос об отношении к ней народа стал далеко не безразличным. Отвращение к этому наказанию, питаемое русским обществом и русским народом, проявлялось и проявляется настолько ярко, что не может оставлять никакого сомнения. История смертной казни в иностранных государствах не знает такого момента, когда протест против этого наказания достигал бы такой высоты и силы напряжения, как у нас, в России за последние годы. Заседания и съезды представителей науки, труда, искусства, политические собрания и митинги считали своим долгом выразить свое осуждение смертной казни. Газеты переполнялись такими же протестами. Первая и вторая Государственная дума с удивительным единодушием высказывались против смертной казни. Не приводя формул протеста, мы ограничимся указанием на некоторые случаи, когда он выливался в форму определенных действий. Так, в июне 1906 года при суде над 17 чинами Мингрельского полка, которым грозила смертная казнь, в Тифлисе произошла забастовка рабочих, прислуги в ресторанах, извозчиков и др. Более значительная забастовка произошла в Лодзи, Згерже и Побианицах 27 сентября 1906 г. В этот день в лесу близ Лодзи были расстреляны по приговору военно-полевого суда пять человек. Собравшаяся толпа вырыла трупы казненных, вынула их и уложила в ряд. Явившийся патруль расстрелял толпу и арестовал 30 человек. В этот же день началась общая забастовка. Закрылись фабрики, магазины, банки, прекратилось движение трамваев, извозчиков.

Припомним наряду с этими случаями массового протеста случаи отказа чинов судебного ведомства и врачей присутствовать при казни.

К разряду этих же фактов должны быть отнесены проводы, устроенные врачами в Тамбове доктору Брюханову, принужденному в 24 часа покинуть город за свой отказ подать руку доктору Либиху, «присутствовавшему при приведении в исполнение одного довольно обычного в наше время акта». В Екатеринбурге консультация присяжных поверенных при окружном суде просила удалиться явившегося к ней за советом Хелидова, служившего палачом в Екатеринбургской тюрьме. По его словам, ему было обещано уплачивать за каждого казненного по десяти рублей. Он повесил 16 человек и получил не 160 руб., как ему следовало, а 100 рублей и поэтому желал бы предъявить «иск»...

«Смертная казнь противоречит принципу восстановимости наказания, которому должно отвечать наказание». Правосудие еще не достигло такой организации, при которой исключалась бы возможность судебных ошибок. Русская действительность знает несколько случаев ошибок при приговорах к смерти. Одну из них удалось предупредить, другие совершились. Так, в Двинске 1905 года 6 июня Маньковский за покушение на убийство помощника полицмейстера был приговорен к смерти. Приговор был кассирован и при втором разборе дела обвиняемый был оправдан. То же самое произошло с Зелинским. По подозрению в покушении на убийство

околоточного надзирателя он был приговорен к казни, а затем оправдан. В начале 1906 года временный военный суд в Риге приговорил к смерти германского подданного Иогансона и рабочего Земгала. Приговор был отменен, и дело рассматривалось гражданским судом. По приговору С.-Петербургской Судебной Палаты Земгал был оправдан, а Иогансон признан виновным не в разбое, в чем обвинил его военный суд, а в покушении воспрепятствовать должному лицу исполнить его обязанности и приговорен в тюрьму на два с половиною года. Такая ошибка была совершена Варшавским военным судом, приговорившим к повешению шесть человек за нападение на жилище Покрживы и троих за недонесение — к каторжным работам в общей сложности на 45 лет. Приговор был кассирован, и дело рассматривалось Гродненским судом с участием присяжных заседателей, которые оправдали одного из шести приговоренных к смертной казни и трех приговоренных ранее за недонесение к каторжным работам, а остальных пятерых признали виновными, но вопреки решению военного суда не в разбое... В Екатеринославе был приговорен к смертной казни убийца начальника Александровских мастерских. Приговор был отменен, так как г. Александров не находился на военном положении. В феврале 1907 года в московских газетах была напечатана телеграмма об отмене согласно всеподданнейшего доклада варшавского военного губернатора смертного приговора военного полевого суда Беднарскому, Пиотровскому и Хойнацкому. По словам телеграммы, трое осужденных оказались жертвами лжесвидетельства. Жертвой лжесвидетельства оказался в Москве Кузнецов, приговоренный к казни. После признания московским окружным судом двух свидетелей по этому делу виновными в лжесвидетельстве дело рассматривалось военным судом вторично, и Кузнецов был оправдан. Телеграмма из Одессы, напечатанная в московских газетах 25 января 1907 г., сообщила: «Выясняется, что повешенные 19 января два брата Трегеры, Оренбах и Грейгерман пали жертвою ужасной судебной ошибки. Они ничего общего ни с анархистами, ни с другими партиями не имели».

В «Новой Руси» 21 ноября 1908 г. была напечатана корреспонденция из Ташкента, автор которой утверждает, что сын инженера-технолога Ососков осужден и казнен невинно. В Варшаве Шмигельский и Данек были приговорены к смертной казни за стрельбу в военный патруль. Генерал-губернатор заменил казнь каторжными работами. Но местный судебный следователь, своевременно не предупрежденный о передаче дела жандармским властям, приступил к следствию и, установив, что такого факта не было, направил дело на прекращение. Петровский Окружной Суд дело производством прекратил за отсутствием состава преступления.

Таковы новые факты о смертной казни под старыми рубриками доводов против этого наказания.

Тяжело писать о смертной казни, о ее прошлом, но еще тяжелее писать о ее настоящем, о том, что мы все видим, о чем читаем в газетах, что слышим и чувствуем. Но если писать о ней тяжело и больно, то молчать о ней

нестерпимо. Тем более не должен молчать криминалист теперь, когда общественное мнение в России выдвинуло вопрос об отмене смертной казни на первую очередь. К сотням тысяч голосов русских граждан должна присоединить и присоединяет свой авторитетный голос и наука уголовного права, и голос все тот же: «Смертная казнь должна быть вычеркнута из лестницы наказаний».

Н. С. Таганцев ПО ЗАКОНОПРОЕКТУ ОБ ОТМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Таганцев Николай Степанович (1843-1923) — выдающийся русский криминалист второй половины XIX — начала XX века, представитель классического направления в науке уголовного права, профессор Петербургского университета (1862-1882), сенатор, академик, член Комиссии по составлению Уголовного Уложения 1903 г. Автор двухтомного курса по Общей части уголовного права, вышедшего двумя изданиями и по своей фундаментальности не имеющего равного в Европе.

В 1913 году опубликовал сборник своих работ под общим названием «Смертная казнь». Выступление сенатора, академика Н. С. Таганцева в Государственном Совете 27 июня 1906 г. при обсуждении одобренного Государственной думой проекта Закона об отмене смертной казни в России. Опубликовано в кн.: Н. С. Таганцев. Смертная казнь. СПб., 1913.

Господа члены Государственного Совета. Я сознаю, что беру на себя серьезную ответственность, выступая перед Государственным Советом защитником законопроекта об отмене смертной казни. Я предвижу то, что скажут члены Государственного Совета: несколько лет тому назад в 1902 и 1903 гг. Государственный Совет обсуждал новый проект Уголовного Уложения. Редакционная комиссия подробно изложила вопрос о смертной казни и представила свои соображения, почему бы Россия, которая, начиная с XVIII века, шла по направлению ограничения смертной казни, могла бы принять исключение таковой из лестницы наказаний. Редакционная комиссия находила возможной отмену смертной казни; но Государственный Совет не примкнул к предположению редакционной комиссии, и смертная казнь в Уголовном Уложении осталась. Что же произошло с тех пор в России? По России пронесся революционный смерч, и эта революционная буря еще не кончилась. Вся Россия покрылась целю сетью страшных преступлений. Убийства залили кровью окраины и центры. Что же скажут мне теперь члены Государственного Совета? Три года назад при мирном состоянии края мы, рассматривая Уголовное Уложение, отказались от отмены смертной казни: какие же могут быть основания в настоящее бурное время к отмене ее и даже к рассмотрению этого вопроса в Государственном Совете? Да, отвечу я на это, буря пронеслась над Россией, буря сильная, и тем не менее я позволю себе утверждать, что есть полное основание для того, чтобы и рассмотреть этот вопрос и отменить смертную казнь.

Прежде всего, не могу не остановиться на том, что мы рассматриваем теперь проект закона, прошедший уже одно учреждение, один центр

законодательной власти, Государственную Думу, которая единогласно высказалась в лице 330 участвовавших в его рассмотрении представителей народа за отмену смертной казни и, следовательно, Государственный Совет не может уклониться от рассмотрения проекта.

Нельзя не обратить внимание на это единогласие лиц разных воззрений, людей, пришедших с разных концов России, принадлежащих к разным классам общества. Они единогласно высказались по этому вопросу. Не можем же мы, господа, не задуматься над этим единогласием. Нельзя не согласиться, что представители России, представители громадного числа русских людей сознательно отнеслись к необходимости отмены смертной казни и что это достаточный повод для пересмотра того, чего не сделали мы в 1903 году. Есть и другое основание, почему мы можем коснуться этого вопроса. Сила и значение вопроса о смертной казни в России теперь совсем иные, чем тогда. С 1866 года по 1903 год во всей Российской Империи, причисляя сюда и окраины, как указывают статистические данные, количество смертных казней ежегодно не превышало 15, а ныне? За пять месяцев 1906 года по сведениям, которые я черпаю из книги, изданной Гернетом, в Российской Империи было произнесено 180 приговоров и казнено 90 человек. Я думаю притом, что это число неполно, потому что сведения, очевидно, недостаточны. В эту цифру не вошли, например, все те расстрелы, которые имели место без суда. Тут речь идет только о приговорах судебных. Значение вопроса становится иным, когда в год более 200 жизней прекращаются в России; значение смертной казни стало иное. Наконец, не могу не прибавить, что несправедливость не отмененная не делается вследствие этого справедливостью.

Я 40 лет с кафедры говорил, учил и внушал той молодежи, которая меня слушала, что смертная казнь не только нецелесообразна, но и вредна, потому что в государственной жизни все то, что нецелесообразно, то вредно и при известных условиях несправедливо. И такова смертная казнь. С теми же убеждениями являюсь я и ныне пред вами, защищая законопроект об отмене казни.

Говорить подробно о тех доводах, которые приводились против смертной казни, я не буду. Литература по этому вопросу весьма обширна. Нет ни одного соображения, по которому писавшие не высказывались бы всесторонне, и едва ли найдется среди Государственного Совета хотя бы один член, который не думал бы об этом вопросе, обсуждая его с различных сторон.

В разосланных нам материалах отпечатаны объяснения редакционной комиссии; значит, в вашем распоряжении имеются все те доводы и мотивы, которые в 1881 г. редакционная комиссия высказывала по вопросу об отмене смертной казни. Поэтому я позволю себе остановиться только на некоторых существенных и наиболее важных доводах, приводимых в защиту смертной казни. Так, еще недавно говорили нам, что смертная казнь не может быть устранена из государственного карательного арсенала, потому что

государство должно охранять жизнь своих верных слуг, которые из-за угла, на посту, при исполнении своих обязанностей убиваются во всех местностях России. Поэтому смертную казнь считают необходимой для охраны государственного спокойствия. Раскрывая скобки и разбирая довод о том, что смертная казнь безусловно нужна для охраны должностных лиц, мы увидим, что в нем и кроется то единственное основание, на котором укрепились защитники смертной казни, — ее устрашительность. Выкиньте ее из арсенала карательных мер, говорит этот довод, и опасность возрастет, безопасность будет поколеблена и невозможно будет справиться с массой преступлений, которые тогда начнут совершаться. Я не буду указывать, сколь мало жизнь подкрепила то предположение, будто смертная казнь устрашает, будто смертная казнь есть задерживающий элемент для преступников. Ознакомясь с объяснениями редакционной комиссии, конечно, господа члены Совета обратили внимание и на те примеры, которые приведены в них из громадной литературы вопроса. Я позволю себе сделать одно напоминание. После того, как мотивы редакционной комиссии были изготовлены, одна страна совершенно отменила смертную казнь. Это Италия, отменившая казнь в 1890 г., та Италия, в которой ежегодные убийства в пропорциональном отношении к числу жителей всегда составляли огромное количество. Какие же последствия отмена смертной казни имела для нее? Позволю себе цитировать одного выдающегося криминалиста — Энрико Ферри, добросовестность трудов которого в этом отношении трудно заподозрить. В заметке, помещенной в сборнике Гернета, он говорит, что в Италии, как в Голландии и Бельгии, после отмены смертной казни число убийств не только не увеличилось, но постепенно продолжало уменьшаться. Значит, и предположение, что смертная казнь была задерживающим средством, вовсе не подтвердилось. Не зачем ходить так далеко; мне кажется, что эти доказательства мы можем почерпнуть из нашей истории. Я не буду углубляться ни в далекие Елизаветинские времена, ни во времена Императора Павла I, который в указе 1799 г. всенародно заявил, что смертная казнь отменена по нашим государственным законам. Я беру гораздо позднейшее время: по Своду Законов издания 1832 г. — в царствование Императора Николая I — смертная казнь, если не ошибаюсь, на основании статьи 17, устанавливалась в трех случаях: по 1 пункту — за мятеж и измену, но только при одном условии, если они ведались верховным судом, т. е. таким, который каждый раз учреждался по особому Высочайшему повелению; по 2 пункту — как наказание за карантинные преступления; и, наконец, по 3 пункту — за преступления, совершенные в военное время и наказуемые по полевым законам, и только.

Количество преступлений, за которые мог быть вынесен смертный приговор по Уложению 1845 года, несколько возросло, но тем не менее ввиду постановления судебных уставов в первоначальной редакции 236 статьи возможность применения смертной казни была весьма ограничена, так как гражданские лица могли наказываться по закону военному лишь в

местах, объявленных на военном положении, и только за преступления, поименованные в Высочайшем указе. Мы не знали смертной казни, таким образом, ни за убийства, ни за квалифицированные поджоги, ни за другие преступления. Далее, мы хорошо знаем, что наши тюрьмы, наши каторги, ссылка и арестантские роты благоустройством не отличались и воспитательного влияния не имели, а, наоборот, имели прямо развращающее влияние. А между тем статистика показывает, что процент преступности в России и процент преступности в западно-европейских державах — Франции, Англии и Германии — различался существенно, и оказывается, что Россия не стояла на первом месте, как следовало бы ожидать. Поэтому нельзя возлагать надежды на смертную казнь, стремясь к уменьшению числа преступлений. Рост преступлений, их уменьшение или увеличение управляются более важными законами социальной жизни того или иного государства. По-видимому угроза смертной казнью имеет мало задерживающего значения. Я позволю себе кратко остановиться на психологическом объяснении этого явления, приводимом во всех исследованиях о смертной казни. Угроза неминуемою смертью, которая стоит недалеко и висит, как топор над головой, еще может влиять на человека, но и то не всегда, и нельзя думать, чтобы эта угроза могла безусловно остановить человека в чем-либо. Кто не преклоняется перед самоотвержением воина, во время боя идущего на верную смерть. Разве откажется какой-нибудь ординарец, когда он послан для исполнения своего долга, проехать через место, где 99 шансов быть убитым? Он, может быть, не сочувствует целям войны, не сочувствует режиму, который послал его на поле битвы, но, верный своему долгу, своему знамени, идет на верную смерть, не боясь ее. Два предшествующих оратора уже указали на христиан; как не вспомнить благоговейно чтимых светочей христианства, которые шли на смерть, славословя Того, за Кого они проливали кровь. Разве они не вызывают нашего благоговения? Укажу на наших сектантов, самосожигателей, которые себя и своих детей приносили по религиозным заблуждениям в жертву Богу жизни и равнодушно шли на смерть. Но религиозный фанатизм стоит рядом с политическим. Вероятно, среди лиц, ныне совершающих тяжкие преступления, есть много таких, которые только прикрываются политическим фанатизмом, но есть между ними и люди, которые отдаются целиком той идее, которую они считают правильною. Разве фанатизм политический не делает из человека то же самое, что делает фанатизм религиозный, разве такой человек не отдается целиком идее, которой он служит, даже в тех кровавых делах, которые он совершает под ее влиянием? Он идет так же исполнять свой долг, как идет воин на поле сражения. Угроза казнью не удержит преступную руку, если она идет на преступное дело под влиянием политического фанатизма.

Если же мы перейдем к тому, что нас теперь интересует, т. е. к смертной казни, применяемой по суду, то мы увидим, что задерживающий мотив — угроза смертью — становится еще более слабым. Тот, кто идет на

преступление, не может не учитывать шансов на то, что он не попадется. Большинство преступников думает, что преступление не будет открыто или не будет достаточно улик для того, чтобы изобличить преступника, что его не поймают, что его не приговорят к смертной казни, а затем еще есть шанс на помилование. Нам, криминалистам, хорошо известно, что такие соображения вовсе не пустые слова. Стоит сопоставить в какой угодно стране количество совершенных убийств с числом последовавших и действительно исполненных приговоров, чтобы сказать, что применение смертной казни к преступнику, учинившему деяние, ею угрожаемое, — это 1 шанс на 100. Вот довод, на основании которого я говорю, что смертная казнь средство нецелесообразное, а потому и вредное в государственной машине.

Не останавливаюсь на тех аргументах, что нельзя мертвецу вернуть жизни, хотя бы он и оказался невинным; что смертная казнь наказание неуравнительное, потому что приходится назначать одну и ту же смертную казнь при различных оттенках виновности.

Вот почему я и повторяю, что смертная казнь есть наказание нецелесообразное и несправедливое. Но на это говорят — очень может быть, что смертная казнь не нужна, что она будет выкинута из кодексов, но не теперь; нужно подождать, пока окончатся кровопролитие и восстание и настанет царство свободы и мира. За последнее время в России сильно пошел в ход афоризм фельетонного болтуна Карра о том, что смертную казнь можно бы отменить, но пусть начнут господа убийцы. Этот афоризм охотно принимают в нашем современном обществе за полноценную монету, никто не хочет испытать ее лигатуру, а иначе они бы увидели, что она не годится и для самого плохого билона. Оказывается, что эта фраза не столько орудие для защиты смертной казни, сколько, наоборот, говорит против смертной казни. Это позорное признание государства, что оно ставит себя наравне с убийцами, довело нас до того, что не какой-нибудь социал-революционер или социал-демократ, но мирный буржуа, профессор Гейдельбергского университета Еллинек в своем письме, помещенном в сборнике Гернета, о том, как ему представляется современная Россия, высказывает следующие мысли, которые, думаю, каждый русский прочтет с глубокой скорбью. «Вряд ли в каком-нибудь государстве заветы гуманности так беззастенчиво попираются, как в России, где одна часть населения занята лишь мыслью, как бы истребить другую, и где управляющие и управляемые одинаково обагрены кровью». Да и действительно, как сопоставлять то, что не может быть сопоставлено? Как сопоставить преступление с актом государственной деятельности, с актом правосудия? Кто должен начать, преступник или государство? Ведь это похоже на прекращение спора детей между собой, когда отец или мать говорит им: кто поумней, тот и перестанет первый. Но если сопоставлять убийство и смертную казнь, то несомненно, что государство скорее должно перестать, чем преступники.

Я повторяю, говорю все это потому, что к афоризму Карра так часто прибегают. В каждом убийстве и в каждом исполнении смертной казни есть два фактора: с одной стороны, виновный или применитель наказания, с другой — тот, кто страдает. Я беру убийство. Что испытывает убийца, когда бросает бомбу, режет ножом, стреляет из пистолета? Нужно быть очень закаленным злодеем, чтобы без внутреннего содрогания, без мучений, без угрызания совести пойти на кровавое дело; преступник не может не думать о возможности попасть под суд. И вся эта внутренняя борьба значительно изменяет психическую физиономию убийцы в то время, когда он посягает на свою жертву. Совершенно в другом положении находится исполнитель строгого закона. Со спокойной совестью, может быть со спокойным сердцем, сознавая весь долг, который лежит на нем как на судье, исполняет он веления непреклонного закона, подписывает смертные приговоры. У него нет волнений и страдания от совершаемого акта, он, может быть, не думает, что его приговор есть повеление лишить дыхания жизни, лишить того, что Творцом вложено в каждого человека. Подписав приговор, он, может быть, возвращается спокойно к своей домашней жизни, к семейным занятиям, может быть, к удовольствиям. Он исполнил долг и обязанность! Но можно сказать многое против хладнокровного, спокойного лишения жизни ближнего, хотя бы и в силу закона.

А положение палача, картинно называемого русским народом «мастером заплочных дел», т. е. мастера, технически знакомого со всей обстановкой своего ремесла, и какого ремесла — лишения жизни людей? Достаточно известно, с каким отвращением народ смотрит на палача. Только в наше неврастеничное время можно себе представить, что находятся люди, добровольно принимающие на себя эту обязанность.

А жертва убийства? Сама жертва при убийстве, конечно, может мучиться, может страдать, если рана не была смертельна, если физическая боль продолжалась довольно долго. Но там, где убийство было наповал, где смерть наступила немедленно, страдания прекращаются скоро. Теперь представьте себе положение осужденного. Один из моих предшественников указал на человека, который хладнокровно относился к тому, что ему готовилось, и шел совершенно спокойно на смертную казнь. Но не все таковы. Ряд уголовных дел может показать, что бывали явления другого рода. Попробуйте на минуту перенестись в положение осужденного, когда приговор утвержден, когда просьба о помиловании не принята, когда нет более выхода, когда человек считает дни, часы и, наконец, минуты, которые осталось жить ему, здоровому человеку, и по истечении которых прекратится его жизнь по воле непреклонного закона, карающего за преступление. В эту минуту человек действительно переносит такие страдания, которые заставляют забыть об его преступлении ¹⁷⁾.

Пойдем на эшафот. Ныне, когда смертная казнь перестала быть публичной, положение казнимого преступника стало хуже. Человек,

¹⁷⁾ Гернет М. О смертной казни. М., 1909.

умирающий за идею, мог порисоваться перед публикой, найти в толпе поддержку. Теперь же другой порядок казни. Если осужденный переносит казнь спокойно, все проходит без последствий, но если на эшафоте он начнет просить, молить, целовать руки у тех, которые его ведут под виселицу, каково впечатление этой смерти беззащитного?

Если же наказуемый сильный человек, если под угрозой смерти силы его удесятерились, если на эшафоте начинается борьба? Ведь иногда пяти, шести человек недостаточно для того, чтобы избить, искалечить преступника и изнеможенного поставить под виселицу. Весьма недавно было опубликовано и осталось неопроверженным такое именно известие. Если бы мы применили понятия Уголовного Уложения к подобным поступкам, то можно было бы сказать, что такое лишение жизни осужденного — квалифицированное убийство. Люди истязают и мучают этого обезоруженного человека, чтобы лишить его жизни. Неужели и это ничего не говорит против смертной казни? Возвращаясь опять к афоризму Карра, я бы сказал, надо начать государству, потому что функции государства таковы, что оно должно воспитывать в народе уважение к личности, свободе, а этого нет при исполнении смертной казни.

Если таково положение вопроса о смертной казни вообще, то еще хуже положение смертной казни у нас в России, в том виде, в каком мы ее застаем теперь. Все то, что говорится против нее при нормальном порядке вещей, удваивается и утраивается при том порядке, в котором казнь исполняется теперь у нас; ибо она исполняется не в общем порядке, на основании непреложных законов, которыми твердо управляется Российская Империя, а на основании законов временных, установленных на год, на два, действующих долгие годы. Смертная казнь применяется при действии положений об усиленной и чрезвычайной охране или по военному положению в силу 279 статьи Свода Военных Постановлений, так что к смертной казни могут быть приговорены и за умышленное убийство, и за изнасилование, и за грабеж, и за разбой, и за умышленные поджоги. Присутствующие здесь юристы пусть скажут, равноценны ли эти преступления и пусть прикинут уголовную их стоимость. Здесь и убийства, за которые грозит закон бессрочной каторгой, и грабежи, которые по новому Уложению влекут за собой тюрьму. Во всех этих разнообразных случаях одинаково применяется смертная казнь, и это понятно, ибо военное положение писалось для военного времени, для действий в виду неприятеля и во время борьбы с ним, когда и маленькое преступление может стать чем-то большим и важным. В 1903 году было Высочайше утверждено новое Уголовное Уложение, введенное в силу 10 июня 1904 года по отношению к государственным преступлениям. В силу этого, если даже было бы совершено такое тягчайшее преступление, как посягательство на жизнь Государя Императора, Императрицы, или Наследника престола, тем не менее, по ст. ст. 55, 57 и 58 этого Уложения, нельзя предавать смертной казни молодых преступников от 14 до 21 года, т. е. несовершеннолетних;

лицо старше 70 лет также не может попасть на виселицу. Что же касается лиц женского пола, то и помимо этих условий, только совершив деяния, предусмотренные статьей 99 Уложения, т. е. посягнув на жизнь Государя Императора, могут они быть повешены. Теперь же мы видим, что сплошь и рядом вешают и расстреливают юношей моложе 21 года, женщин. Я не верю, хотя и неопровергнутым правительством, газетным сведениям о том, что были казненные моложе 17 лет, но казни несовершеннолетних несомненны. Что может быть ужаснее того произвола, когда генерал-губернатор может по своему личному усмотрению за то же самое преступление одного казнить, а другого, не предавая суду, выслать, основываясь на военном положении, и когда в 24 часа можно окончить все расследование и суд за сложное преступление? Мы юристы, все хорошо знаем, что такой суд скорый несправедлив. Мы полагаем, что при каждом преступлении должно быть справедливое расследование, без чего неизбежно громадное зло, так как при скорости рассмотрения нет средств для справедливого решения суда. Ведь был такой случай, что вместо одного брата был казнен другой. Поэтому я имею смелость ходатайствовать перед Государственным Советом о принятии законопроекта об отмене смертной казни. При этом я не хочу входить в детали вопроса, ибо теперь нам важно решить только общий принцип. Особо же избранная комиссия обсудит проект, внесенный из Государственной Думы, конечно, в пределах нашей компетенции, установленной Основными Законами... Заканчивая мою речь, я позволю себе сказать еще следующее. Ходатайствуя об отмене смертной казни, я и мои единомышленники, которых, надеюсь, будет довольно много, не говорим, что те деяния, которые обложены смертною казнью, останутся без всякого наказания и что виновные в них перестанут быть преступниками. Убийства и тяжкие злодеяния останутся таковыми и при отмене смертной казни, когда за них будут ссылать в каторгу или на поселение. Я верю, что несмотря на все попытки растравить и возбудить русский народ на кровь и злодеяния, он не поддастся этим волкам в овечьей шкуре. Я верю, что в русском народе не утратились нравственные основы любви к ближнему, что он не забыл заповеди Того, Кто на кресте молился за своих врагов. Русский народ не пойдет за теми, кто зовет на погромы и разрушения. Но если бы эта вера моя оказалась неосновательной, ложной, то и тогда я позволил бы себе одно: обратиться к Всеблагому Подателю жизни, чтобы он взял и меня отсюда, из этой юдоли вражды и ненависти, но никогда не пойду в тот стан, который требует крови и жертв.

Г. С. Фельдштейн

ПРОТИВНИКИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РУССКОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

***Фельдштейн Григорий Самуилович (1868-1929 гг.)** — отечественный криминалист и историк науки уголовного права, профессор Демидовского лицея в Ярославле. Его перу принадлежат два серьезных монографических исследования: «Учение о формах виновности в уголовном праве». М., 1902 и «Главные течения в науке уголовного права». М., 1909. Публиковался и после Великой Октябрьской социалистической революции.*

В 1764 году выходит в свет книга Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Неизвестный до этого времени итальянский писатель приобретает громкое имя, и труд его появляется в многочисленных переводах. В значительной степени Беккариа обязан был своим успехом энергичной и красноречивой проповеди против смертной казни. Но, сгруппировав ряд доводов против этого наказания, Беккариа не выступил безусловным противником допустимости смертной казни в практике государств. Смерть какого-либо гражданина, писал Беккариа, делается необходимой, когда государство восстанавливает или теряет свою свободу, или во время безначалия, когда беспорядки занимают место законов.

Взгляды Беккариа по вопросу о смертной казни были восприняты известным Наказом Екатерины II и в ст. ст. 210 и 212 этого замечательного памятника мы находим почти дословное повторение аргументов великого итальянского писателя.

Идеи Наказа о смертной казни были восприняты некоторыми писателями по вопросам уголовного права как бы фотографически — с теми оговорками, которые нашли себе место еще у Беккариа. Но, наряду с этим, в русской литературе XVIII века наметились и другие течения, находившие себе почву в неудовлетворенности наиболее культурных представителей общества существовавшей практикой смертной казни. Одни из них считали насущной необходимостью бороться только против жестоких форм смертной казни, другие заявляли себя безусловными противниками смертной казни вообще. В дальнейшем мы позволим себе остановиться на этих оттенках взглядов русских криминалистов. Общим в них является то, что все они исходят, в большей или меньшей степени, из непригодности смертной казни в ее реальном проявлении служить целям уголовного правосудия. Взгляды эти представляют для людей нашего времени не один исторический интерес. Они должны быть дороги во все времена как свидетельство ясного понимания опасности применения смертной казни в качестве меры,

имеющей тенденцию стать обычным средством уголовной реакции. Мы встречаемся в этих взглядах с рядом таким доводов, которые и в наши дни не утратили значения аргументов против смертной казни как эмпирического средства борьбы с преступностью, моральные и юридические основания которого не только не выдерживают критики, но и целесообразность которого при современном состоянии знаний ни в каком случае не может считаться доказанной.

Из русских писателей второй половины XVIII века, считавших недопустимой существовавшую практику смертной казни и рекомендовавших крайнюю осторожность в ее применении, мы могли бы указать на **А. А. Артемьева**, автора одного из первых научных опытов в области русской юриспруденции. Мы читаем в его «Кратком начертании римских и российских прав» (1774 г.): «Разрушать на части и рвать живое человеческое тело на куски... есть дело, которое человечество, сколько бы ни было оно раздражено на виноватого, не может терпеть.

И таковые чинимые казни, выходя за пределы человечества, по истине теряют свой успех... часто ожесточают сердца подданных, а иногда причиною бывают великих смятений и бунтов...»

Принципиальных противников смертной казни мы находим в лице выдающегося русского криминалиста двадцатых годов XIX столетия **Г. Солнцева**, проф. Казанского университета, и **Ил. Васильева**, адъюнкта Московского университета той же эпохи: «Употребление казней никогда не делало людей лучшими... чрезмерные судные наказания ожесточают сердца... смерть гражданина в обыкновенном состоянии общества ни полезна, ни нужна...»

Но несравненно значительнее в русской литературе соответственной эпохи число писателей, приводящих красноречивые доводы в пользу совершенной недопустимости смертной казни. Не претендуя на то, чтобы исчерпать список всех убежденных противников этого наказания, выступавших в нашей литературе, мы остановимся в дальнейшем на кратких, по возможности, выписках из относительно мало известных в широких кругах трудов Лангера, Ушакова, Лопухина и адм. Мордвинова.

Проф. Московского университета **К. Г. Лангер**: «Вожделенную безопасность граждан удобно соблюсти можно и другими наказаниями, общей пользе более приличественными, которыми преступники не лишаются жизни... От беспрестанного учащения самых лютых казней беззаконники не токмо не устрашаются, но еще ежедневно большее число их прибывает... Бесчисленное множество примеров показывает, что злодеяния случались и во время самой казни».

Ф. В. Ушаков, воспитанник Сухопутного кадетского корпуса, один из составителей рижского торгового устава: «Смертная казнь никогда долговременно не производит впечатления и, поражая сильно и мгновенно души, бывает тем недействительною»; «Со всеми осторожностями в

суждении преступления можно ошибиться и осудить невинного и бывают случаи, когда истина едва через долгое течение времени отвергается».

Ив. Влад. Лопухин, советник уголовной палаты с 1782 года и впоследствии сенатор: «Она по моему мнению... «бесполезна... тяжкие наказания и заточения, употребляемые вместо смертной казни, при способах... исправления наказуемых, сохраняя их всегда на полезную для государства службу, столько же могут примером устрашать и удерживать от злодеяния, если еще не больше, как смертная казнь...» «Могут сказать, что смертная казнь нужна для избавления общества от такого государственного злодея, которого жизнь опасна для общего спокойства. Но и в сем редком, и, конечно, важнейшем случае, строгое заключение может отвратить ту опасность, а время ослабляет и наконец уничтожает ее...».

Адм. Мордвинов, занимавший должность Председателя департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета: «Человек не одаренный всесовершенством, поступает ли согласно с правотою совести своей, когда присваивает себе то право, которое единому Всесовершенному токмо Существу принадлежит?.. Окованный, лишенный свободы, предаваемый смерти, по невозможности ею быть вредным, не есть ли жертва бесполезная и невинная... Лишение свободы, прав гражданских и каторжная работа составляют наказания, удерживающие людей от преступлений более, нежели смертная казнь. Воин идет на смерть, ставя грудь против пуль и ядер за малый знак почести в петлицу... но никто... не подвергнет ни жизни, ни благосостояния своего, если, наравне со смертью, каторга ему предстоит... Самоубийцы предают себя смерти, но никто еще не предавал себя каторге. ...Где часто казнят, там день казни для развратных бывает днем удачного мошенничества и не служит для порочных исправлением...»

А. Ф. Кистяковский

ИССЛЕДОВАНИЕ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Кистяковский Александр Федорович (1839-1885 гг.) — видный русский криминалист второй половины XIX века, профессор Киевского университета. Автор «Элементарного учебника общего уголовного права», выдержавшего три издания (первое издание вышло в свет в Киеве в 1877 году, второе — в 1882, третье — в 1891). Одним из первых среди русских криминалистов начал глубокую теоретическую разработку проблем смертной казни. Его монография «Исследование о смертной казни» выдержала два издания в 1867 (Киев) и в 1896 (С.-Петербург) годах.

I. Противники смертной казни говорят, что жизнь человеческая есть благо ненарушаемое и неотчуждаемое, поэтому смертная казнь несправедлива. Внимательная оценка изложенных доказательств **против** и **за** приводит к следующим заключениям. Если учение о ненарушимости жизни человеческой не подтверждается ни прошедшею, ни настоящею жизнью народов, это еще не означает, чтобы оно было противно природе человека и, следовательно, неосуществимо. Напротив, с тех пор, как оно явилось на свет Божий, оно имеет уже свою, хотя и скудную, историю. Выше было сказано, что оно вызвано было новыми потребностями, совершенно противными тем, которые поддерживали такую низкую цену на жизнь человеческую. С тех пор уважение к жизни человеческой значительно возросло, а вместе с тем крепнет надежда на возможность осуществления в системе наказаний учения о ненарушимости жизни человеческой. Подтверждением всему этому служит постепенное изгнание в течение последних полутора лет смертной казни из европейских и американских кодексов, громадное уменьшение в действительности количества смертных экзекуций в Европе и Америке, все более и более возрастающее нерасположение европейского человека к отнятию жизни у преступников. Если в жизни народов есть движение вперед, то нет сомнения, что, идя тем путем, которым они до сих пор шли, они дойдут до полного изгнания смертной казни и вместе с тем до признания ненарушимости жизни человеческой даже в лице преступника. Этого-то не хотят замечать защитники смертной казни. С ними может случиться то же самое, что с их противниками: те, увлекшись идеалами будущего, забыли все прошедшее и построили здание из воздуха; эти, устремляя свои взоры только в прошедшее, могут потерять под собою почву настоящего, которое, что шаг вперед, то оказывает больше уважения к жизни человеческой.

Сравнение общества, карающего смертной казнью убийцу, с честным человеком, убивающим того, который на него нападает, есть сравнение фальшивое, натянутое и неверное. Общество в отношении к преступнику находится совершенно в другом положении, чем лицо, подвергшееся нападению в отношении к нападающему. Если это лицо не убьет своего противника, оно само может лишиться жизни; оно поставлено в такое крутое положение, в котором убийство есть единственный исход для сохранения собственной жизни. Если бы даже был другой идеальный исход, время так коротко, подвергшийся нападению находится в таком ненормальном положении, что ему рассуждать некогда, и остается единственное спасение — убить своего противника. Не так поставлено современное государство к преступнику, и в частности к убийце. Преступник, как бы тяжело ни было его преступление, слишком слаб и ничтожен по своим силам в сравнении с государством; захваченный преступник уже не опасен государству; самое преступление, как бы тяжело оно ни было, будучи исключительным явлением в нормальной общественной жизни, не ставит в опасность существования государства. Как поступить с преступником, какими способами сделать его безвредным на будущее время, — для решения этого вопроса государство имеет и время, и независимость духа; совершенно в его власти, не прибегая к крайнему средству — смертной казни, — ограничиться отнятием у преступника свободы. Возражение, что лишенный свободы убийца может убежать и совершить новые убийства, лишено серьезного основания. Большинство самых тяжких преступников, особенно убийц, совершают преступление не по ремеслу, а в минуту данной настроенности, под влиянием известных обстоятельств, так что для совершения нового подобного преступления нужно предположить возобновление того и другого, а это в большинстве случаев дело немыслимое; подобные преступники по совершении преступления нередко приходят к сознанию тяжести своего преступления. Притом, от государства зависит сделать тяжких преступников совершенно безвредными посредством строгого содержания их в таких тюрьмах, из которых бы они не в состоянии были уйти.

Считают смертную казнь необходимою для защиты порядка нравственного. Но почему только смертная казнь может защищать этот порядок, а не тяжкое тюремное заключение? Очевидно, на этот вопрос не может быть специального ответа, а разве общие фразы или ссылка на то, что так принято, так всегда считалось. Если под нравственным порядком разуметь известный строй общественный, то очевидно, что наказание вообще и без смертной казни, наряду со многими другими общественными учреждениями, действительно, способствует защите этого порядка. Но если под нравственным порядком разуметь собственно учреждения, ту внутреннюю деятельность человека, которая незрима для глаз, но которая составляет источник деятельности, то здесь смертная казнь и бессильна, и не нужна, и даже опасна. **Бессильна** как всякое грубое физическое средство, не способное развить добрые мысли и честные побуждения;

наказание только тогда может быть мерой, способствующей утверждению указанного нравственного порядка, когда в него действительно внесены известные качества для достижения этого, что и хотят сделать из тюремного заключения. **Не нужна**, потому что главная нравственная сила государства заключается в здоровой части общества, которая служит хранителем нравственных убеждений и главной опорой общественной жизни. Нравственные убеждения этой части общества живут и крепнут помимо не только жестоких казней, но и всяких наказаний. Странно строить силу нравственного порядка на казнях и преступниках; на этом фундаменте не может существовать ни одно общество. **Опасна** смертная казнь для защиты нравственного порядка, потому что для этой цели опасно употреблять вообще наказание: не напрасно современная наука права проводит твердую границу между правом и нравственностью, занимаясь исключительно первым и предоставляя вторую на долю других отраслей общественной деятельности.

Итак, смертная казнь не необходима для безопасности государства. Но, может быть, казнь преступника полезна в том отношении, что она воздерживает от преступлений других, будущих преступников; может быть, лишение жизни одного виновного сохраняет жизнь многим невинным?

II. Противники смертной казни положительно утверждают, что смертная казнь не устрашает и не удерживает людей, склонных к тяжким преступлениям.

Оценка доводов **за** и **против** устрашимости смертной казни приводит к следующим заключениям:

а) По-видимому, нет ничего нагляднее, проще и очевиднее, как устрашимость смертной казни. Человек чувствует ужас при одном мысленном представлении этого наказания. Наблюдения над осужденными, за немногими исключениями, также подтверждают, что эта казнь производит страх и ужас на душу человека. И, однако, эта очевидность похожа на ту, которая удостоверяет нас, что солнце ходит вокруг земли: первобытная вера в устрашимость смертной казни столь же достоверна, как убеждение простого человека, что солнце идет с востока на запад. С прошедшего столетия стали замечать, что разнообразные виды смертной казни нисколько не способствуют уменьшению тяжких преступлений; это — первое возникновение сомнений касательно устрашимости смертной казни. И в самом деле, нельзя было не усомниться в силе смертной казни, если после стольких столетий ее применения в самых ужасных и изысканных формах преступление со своей стороны ничего не потеряло ни в количественном, ни в качественном отношении. Но вывод этот в то время имел недостаточные и односторонние доказательства. Преступления не уменьшаются, когда преступников карают самыми жестокими казнями: но кто поручится, что число их не увеличится, когда отменяют эти казни? Этот вопрос был разрешен последующими переменами в области уголовного законодательства. Уничтожение во всех европейских кодексах квалифицированной смертной

казни, отмена ее за большую часть преступлений, редкость исполнения смертных приговоров, наконец, полное изгнание ее из кодексов некоторых государств, — все эти важные перемены отнюдь не сопровождались ни увеличением тяжких преступлений, ни уменьшением общественной и частной безопасности. Таким образом, к прежним опытам, доказывавшим, что смертная казнь в самых даже жестоких формах не способствует уменьшению преступлений, прибавились новые, подтверждающие, что отмена ее не имеет никакого влияния на увеличение преступлений. Уже в прошедшем столетии убеждение, что смертная казнь не устрашает, шло рука об руку с возникавшим тогда мнением о том, что количество преступлений не есть случайное явление, а результат более или менее постоянных, более или менее неизбежных причин, скрывающихся как в природе человека, так и в природе обществ. В нынешнем столетии Кетле, Гери и Вагнер самыми неопровержимыми статистическими цифрами подтвердили эту истину и, таким образом, нанесли окончательный удар теории устрашения вообще и устрашимости смертной казни в частности.

б) Эти научные опыты как будто не существуют для защитников смертной казни. Одни из защитников продолжают отстаивать смертную казнь ради ее специальной устрашимости единственно потому, что им не знакомы ни история смертной казни за последние сто лет, ни статистические работы новейшего времени. Другие, более знакомые с новейшими наблюдениями над действием смертной казни, не могут не признать их значения, но по старой вере в силу смертной казни и по особенному взгляду на уголовную статистику хотят примирить новое со старым, отделяясь такой голословной фразой: если смертная казнь не удерживает от преступлений всех, к ним склонных, то все-таки она удерживает многих, или по крайней мере некоторых. Эта фраза давно пущена в обращение и сделалась у всех защитников общим местом; лет тридцать тому назад, когда Миттермайер стоял в противоположном лагере, он любил повторять эту фразу. Защитники смертной казни, которые твердят об устрашимости смертной казни на основании разных проявлений между людьми страха пред этим наказанием, похожи на того человека, который, несмотря на научные доводы об обращении земли вокруг солнца, все-таки твердит: не земля, а солнце ходит вокруг земли, меня в этом убеждают собственные мои глаза...

в) Защитники смертной казни готовы навязать своим противникам намеренное или ненамеренное стремление доводами против действительности и полезности смертной казни подорвать необходимость и пользу других наказаний. Повод к этому подают отчасти те из противников смертной казни, которые, отвергая устрашительность смертной казни, признают, однако, это качество за другими наказаниями. Таким образом, защитникам не стоит большого труда, применив аргументы своих противников против смертной казни к другим наказаниям, доказывать, что эти аргументы подрывают основание вообще всех наказаний. Но дело в том, что как смертная казнь, так, очевидно, и другие наказания не имеют той

устрашительной силы, чтобы удерживать от преступлений других; и те противники смертной казни, которые доказывают бессилие страха смертной казни и силу страха других наказаний, сами себе противоречат и подрывают силу собственных доводов. Отрицание устрашимости наказания не есть отрицание вообще наказаний. Наказания необходимы и полезны и помимо устрашительной и сдерживающей силы, которую им прежде приписывали, но которая при более глубоком изучении дела оказалась несуществующей: они полезны тем, что они отнимают возможность у самого преступника делать преступление и причинять вред обществу; они отнимают или физическую, или нравственную возможность вредить. Если, правда, на деле наказания не всегда способствуют возрождению в преступнике нравственной невозможности делать преступление, и даже производят обратное действие, то это зависит от дурной организации тюрем, а не от самого наказания. Все стремления современных обществ направлены в деле наказаний к тому, чтобы сделать из них орудие нравственного перерождения; если эти стремления не имели вполне удачных результатов, то это еще не значит, что они были неосуществимы.

Из изложенного следует второе положение относительно смертной казни: это наказание не только не необходимо для общественной безопасности, но оно и не содействует охранению жизни отдельных граждан.

III. Смертная казнь не только бесполезна, но она еще приносит положительный вред — говорят противники.

Из сопоставления доводов противников смертной казни с возражениями на них защитников можно вывести следующие заключения:

а) И те, и другие признают зловерное влияние исполнения смертных казней; вся разница между ними в признании большей или меньшей степени зловерности. Но если неопровержимо, что смертная казнь ни одного тяжкого преступления не предупредила, если ее защитники признают вредное ее влияние на нравственность народа, что же остается за этим наказанием такого, что бы могло говорить за его сохранение?

б) Те защитники смертной казни, которые настолько беспристрастны, что не могут отвергнуть фактов ее вредного влияния на народ, думают очистить это наказание от этого влияния, скрыв исполнение ее от глаз публики. Но с допущением этой меры, что остается полезного от смертной казни для общества? Если стать на точку зрения защитников смертной казни, то есть допустить, что она устрашает, то естественно дело, что главная устрашительная сила ее заключается в ее публичности, в ее обстановке, в том, что она прямо и непосредственно действует на зрителей. Ни один из защитников не может с своей точки зрения отвергнуть того факта, что на человека неизмеримо сильнее действует то, что совершается пред его глазами, чем то, о чем ему рассказывают, что он мысленно только себе предполагает. Итак, очевидно, защитники смертной казни, перенося ее исполнение в стены тюрьмы, с своей точки зрения отнимают, хотя и не хотят в том признаться, главную силу у этого наказания; этим они подкапывают

главный фундамент своих доказательств и признают фактически, не сознаваясь в том, несостоятельность смертной казни. Напрасно они силятся доказать, что звон колоколов во время исполнения смертной казни может напоминать народу о казни и производить спасительный страх: это ничем не доказанные фразы; если, по убеждению самих же защитников смертных казней, даже публичное исполнение их только некоторых, а не всех, удерживало от преступлений, чего же можно ждать от казней, скрыто совершаемых?

в) Скрытое исполнение смертных казней действительно отнимает у казни значительную долю ее зловредного влияния, но только известную долю, не делая ее, однако, полезной. Взамен этого оно неразлучно с такими недостатками, которые ему одному свойственны. Уже и публичное исполнение казней, совершаемое с соблюдением известных обрядов, методически, по всем правилам искусства, представляет нечто противоречащее тем правилам человечности, которых, по-видимому, хотели бы в настоящее время держаться; с этой стороны справедливо некоторые считают смертную казнь неизмеримо ужаснее большинства видов убийства, которые совершаются в страсти, в припадке увлечения. Но в публичности есть еще остаток той прямоты и решительности, без которых никакое общественное учреждение не может быть прочно и полезно. Закрытое совершение казней лишено и этого последнего качества; оно представляет вид какого-то коварства, нечто изысканно жестокое, что может быть исполнено только в застенке, чего нельзя показать добрым гражданам; поэтому оно еще более противно чувствам и убеждениям мыслящих людей. Оно напоминает те средневековые времена, когда нередко прибегали к тайным казням из боязни стать в противоречие с общественным мнением относительно казнимого. Поэтому не без оснований народы, привыкшие к гласности общественных дел, боятся злоупотреблению закрытого совершения казней. Допустить одного палача и тюремщика распорядиться жизнью осужденного, значило бы отнять у смертной казни даже последнюю наружную обстановку наказания; поэтому защитники скрытого совершения казней требуют присутствия при этом кровавом акте известных почтенных лиц, как-то: прокуроров, судей, выбранных от общества. Тут одно из двух: или законодатель должен допустить полную свободу для чиновников и граждан отстранять от себя подобное назначение и таким образом должен наталкиваться и терпеть постоянный молчаливый протест против закона, допускающего смертную казнь; или же, признав присутствие при закрытых казнях неременной обязанностью для каждого назначенного или избранного, наложить на многих чиновников и граждан обязанность, невыносимую для них и вредную для их физического и душевного здоровья. Справедливы или нет упреки, делаемые нашему времени в слабодушии и сентиментальности — это другой вопрос. Но факт несомненный, что даже те, которые произносят приговор, не все в состоянии присутствовать при его исполнении, подобно тому, как судья не согласится быть исполнителем им

же назначенного наказания. «Вы утверждаете, — говорит Дюкпетё, — что закон (осуждающий на смерть) справедлив, необходим, нравствен; хорошо. Я вас спрошу: если вы не имеете человека, который бы казнил нарушителей этого закона, согласитесь ли вы сами нанести роковой удар? Предложите судьям, привыкшим произносить смертные приговоры, сопровождать осужденного на гильотину или виселицу, опускать нож гильотины или привязывать веревку; они отступятся от этого с ужасом и негодованием. Отчего? Ведь закон необходим, нравствен, обязателен; осужденный ведь виноват. Совесть была спокойна, произнося приговор; откуда же происходит то, что она приходит в тревогу, возмущается, когда ей предлагают исполнить собственный приговор?»

IV. Смертная казнь неразлучна с ошибками, которых человек не в силах даже сколько-нибудь исправить.

Из сопоставления доводов, выводимых из судебных ошибок за и против смертной казни, открывается: главная сила тех и других заключается не в них самих только, но в связи их с предыдущими доводами. Доказано, что смертная казнь не устрашает и не удерживает от преступлений, что для детей слабоумных и испорченных она служит плохим примером, что она деморализует народ; тогда казни невинных — новое сильное доказательство против смертной казни. И наоборот, если бы до сих пор не была поколеблена полезность смертной казни, если бы неопровержимыми опытами было доказано, что без нее не было бы возможно правосудие, существование и развитие обществ, — казни невинных были бы меньшим злом, которое, как и многое другое зло, общество обречено терпеть для избежания зол больших. А так как перевес доказательств на стороне бесполезности и ненужности смертной казни, так как опытом доказано, что правосудие и благоденствие совершенно возможны и без смертной казни, то очевидно, что казни невинных представляют новую значительную доказательную силу против смертной казни.

V. Смертная казнь отнимает у преступника возможность исправления.

И противники и защитники равно признают исправление преступника делом небезразличным. Только первые придают ему несравненно большую важность, чем вторые, и поэтому желают, чтобы для исправления преступника были употреблены все средства, чтобы это исправление было деятельное и испытанное долговременным опытом, не только религиозное, но и житейское, выражающееся в честной и трудолюбивой жизни. Вторые довольствуются только религиозным, моментальным и более или менее формальным раскаянием и не считают нужным употреблять особенные усилия для исправления преступника. Защитники смертной казни, относительно исправления преступника, похожи на того английского пастора, который советовал казнить доведенного им до раскаяния осужденного, чтобы отнять у него возможность возвратиться к преступным мыслям. Самое раскаяние, которым довольствуются защитники смертной казни, не может

иметь большого значения; осужденные находятся в таком расстройстве душевных сил, что они не в состоянии поступать сознательно и, будучи объаты ужасом и страхом, делают все большей частью машинально, полусознательно. Самые способы, которые употребляются для приведения осужденного к раскаянию, не всегда могут быть одобрены.

В Англии, по свидетельству одного писателя, как только делается известным, что осужденный должен быть казнен, духовные всех сект спешат в тюрьму и начинают мучить осужденного; по его же словам, приводимые примеры раскаяния осужденных мало стоят доверия. Сравнение положения жертвующего своей жизнью для благих целей с положением преступника есть сравнение натянутое и фальшивое. Жертвующий своей жизнью делает хорошее дело и в том смысле заслуживает всепрощение, даже если его совесть обременена какими-нибудь дурными делами.

Разве в таком нравственном положении находится преступник, когда у него отнимают жизнь посредством казни? Нельзя не заметить, что доводы защитников смертной казни относительно раскаяния и исправления, главным образом основаны на необходимости этого наказания: необходимость смертной казни, по их мнению, гораздо важнее, чем допускаемая ими необходимость исправления преступника. Но необходимость смертной казни есть субъективное мнение, которое не подтверждается объективными доказательствами; поэтому необходимость исправления получает самостоятельное значение и особенную важность, — за что собственно и стоят противники смертной казни.

Одно из самых сильных доказательств, которое приводят в пользу смертной казни ее защитники, **это голос народа, его юридические убеждения, его совесть.**

Сопоставляя эти **доводы** и **возражения против** них, можно придти к следующим заключениям:

а) До сих пор в известной части народа живут, хотя и в обломках, те стародавние, первобытные воззрения на преступления и наказания, которым обязана своим происхождением смертная казнь: по этим воззрениям преступление есть личное оскорбление, а наказание — грубая и ничем не сдержанная кровавая месть; позже воззрения эти несколько видоизменяются и принимают религиозный оттенок. По этим видоизмененным религиозным воззрениям, за которыми в сущности скрывались воззрения грубой мести, преступление есть оскорбление божества, а наказание — примирение с Богом, очищение от преступления, искупление вины, удовлетворение правосудия. Это в сущности только апотеоза прежних воззрений: как там, так и здесь в преступлении главное — не объективный вред, а субъективное оскорбление, в наказании — не соответствие с тяжестью вины, а удовлетворение или чувству человеческого мщения, или скрывавшему его понятию божественного мщения. Господство частного мщения и мщения за оскорбленное божество в виде воздаяния **равное за равное**, искупления вины, умилоствления, очищения собственно прошло. Преобладание

получили другие воззрения. Но обломки этих воззрений остаются в виде тех явлений, на которые указывают защитники смертной казни как на доказательство необходимости ее. К этим обломкам принадлежат: любовь массы к зрелищам казни; неудовольствие, когда лишают ее этого зрелища, вопреки ее ожиданиям; собственная ее расправа с помилованным и неказненным преступником и вообще весь тот цинизм ее поведения, который она проявляет в эту слишком тяжелую минуту общественной жизни. Обломки этих народных воззрений имеют свою теорию и свою философию. Сюда должно отнести теорию тех новейших писателей, которые считают смертную казнь необходимой как возмездие, как удовлетворение равное за равное, как искупление вины, как очищение нравственного зла; сюда же должно отнести и теорию Канта, который считал смертную казнь до того необходимой и до того обязательной для общества, что оно должно сегодня казнить убийцу, если бы ему завтра предстояло разойтись ¹⁸⁾. Все эти теории есть новое, исправленное и дополненное издание упомянутых стародавних народных воззрений на преступление и наказание, хотя они скрывают свое происхождение и даже, считая за стыд подобное родство, воображают, что они новейшего происхождения. Таким образом защитники смертной казни, ссылающиеся на юридические воззрения народа, были бы совершенно правы, если бы европейскую историю подвинуть на тысячу лет назад или если бы она начала возвращаться туда, откуда она вышла.

б) Особенно странным представляется то, что защитники смертной казни в этом случае опираются на воззрения народные, не давши себе труда понять их сущность. Отчего те же защитники не прибегают к воззрениям народным для разрешения других, первой важности государственных, общественных и научных вопросов, например вопроса о податях, о поземельной собственности, о кредите, о солнце, земле и т. д. Отчего, например, они же не считают необходимым преследовать ведьм, в которых народ так еще крепко верит и которых он не прочь преследовать судом? С воззрениями народными необходимо во многих случаях считаться; это не мешало бы твердо помнить и некоторым защитникам смертной казни; но считаться с ними без разбору, только потому, что они народные — значило бы иногда обречь все успехи цивилизации на совершенную гибель.

в) Защитникам смертной казни, опирающимся на народное воззрение, следовало бы идти далее по этому пути и приводить в доказательство того, что народ требует смертной казни, все те грубые, циничные сцены, которые случаются во время казней, все шуточки, все безнравственные выходки в это время толпы, все ее равнодушие к нравственной стороне казней и всю ее жадность созерцать грубую, нечеловеческую их сторону. Ведь во всем этом толпа, если не прямо, то косвенно, выражает одобрение пролитию человеческой крови. Впрочем, если ближе всмотреться в те факты из народной жизни, которые они приводят за смертную казнь, то они близки к только что приведенным.

¹⁸⁾ Совр. значение: исчезнуть, раствориться.

Итак, смертная казнь не только не содействует общественной безопасности, не только не воздерживает от преступлений, но имеет дурные стороны, которые чужды всем другим наказаниям. Единственное преимущество ее в глазах народов состоит в том, что она очень простое, дешевое и не головоломное наказание. Чтобы человека держать в тюрьме, чтобы переломить его порочную натуру и сделать его полезным или по крайней мере безопасным членом общества, для этого требуются значительные издержки, большое терпение и настоящее гражданское мужество, не подчиняющееся влиянию более или менее временных тревог, а умеющее побороть душевную опасность. Тогда как смертная казнь, не требуя ни долгого времени, ни издержек, ни особенных трудов, одним разом и навсегда отнимает у преступника возможность вредить и тем гарантирует и эгоизм человеческий от мнимых и действительных опасностей. Защитники смертной казни старательно маскируют указанную причину привязанности народов к смертной казни, давая ей более возвышенное объяснение. Но тем не менее эта причина много способствует сохранению смертной казни в числе наказаний, что иногда более откровенные защитники ее и высказывают. Так, в 1864 году, в английском парламенте известный Робук отстаивал смертную казнь как более дешевое средство лишить преступника возможности вредить обществу. Насколько законен, одобрителен и устойчив подобный эгоизм — это другой вопрос.

А. А. Жижиленко НАКАЗАНИЕ

Жижиленко Александр Александрович (1861-?) — известный русский криминалист, профессор Петербургского ун-та.

В 1914 году опубликовал в Петрограде книгу *«Наказание, его понятие и отличие от других правоохранительных средств»*, представляющую собой самое фундаментальное исследование этой проблемы в русском дореволюционном уголовном праве. После февральской революции был назначен начальником Главного Тюремного управления при Временном правительстве. В советский период занимался преподавательской и научной деятельностью в Петрограде. Опубликовал книги: *«Очерки по общему учению о наказании»*, Петроград, 1924; *«Преступность и ее факторы»*. Л., 1926; *«Имущественные преступления»*, 1925 г.

История уголовного права рисует нам картину постепенного смягчения наказаний под влиянием общего хода развития культуры. Прежние грубые формы воздействия на личность преступника смягчаются или вовсе исчезают, вместо них появляются иные, более соответствующие новой ступени культуры, покоящейся на ином, чем прежде, положении личности в государстве, новому правосознанию, дающему новую оценку отдельных правовых благ человека. Вместе с тем совершенствование человеческой психики с течением времени дает возможность обходиться без прежних грубых средств принуждения и позволяет заменить их другими мерами, могущими с большим успехом воздействовать на психику преступника. Но это общее изменение характера уголовной репрессии происходит медленно, и в эпохи более поздние мы встречаем переживания эпох более ранних; только постепенно эти переживания прошлого, эти анахронизмы окончательно отходят в область истории. К таким особенно резким анахронизмам в современной карательной системе, основывающейся на признании ценности личности и на стремлении возродить эту личность для социальной жизни, относится смертная казнь, исходящая по самому своему существу из полного игнорирования и неуважения личности человека. С одновременным существованием смертной казни наряду с такими мерами борьбы с преступностью, как условное осуждение, досрочное освобождение и т. п., не может и не должен смириться современный криминалист, иначе смотрящий на цель наказания и необходимые его свойства, чем смотрели на них прежде.

При оценке смертной казни, как и всякого другого наказания, мы должны считаться, с одной стороны, с тем, насколько смертная казнь достигает тех целей, которые государство преследует в своей карательной деятельности,

и с другой — насколько близко подходит она к тому идеалу наказания, который существует в данную эпоху. При этом, конечно, следует помнить, что наказание есть зло, применение которого оправдывается достижением известной полезности и что от этого зла приходится отказываться, как только можно усмотреть, что оно значительно превышает ту пользу, ради которой дозволяется его применение.

Обращаясь к оценке смертной казни сообразно целям карательной деятельности государства, можно заметить, что смертную казнь защищают и с точки зрения теорий абсолютных, теорий возмездия, и с точки зрения теорий относительных, теорий общего и специального предупреждения. Однако, на сторону какой бы из этих теорий ни становиться, все-таки, с точки зрения общих исходных положений любой из них, следует по тем или иным соображениям отвергнуть возможность применения смертной казни.

Исходя из теории возмездия, смертную казнь защищают ввиду того, что есть преступления настолько тяжкие, что единственным подходящим наказанием в отношении их признается смертная казнь. Отголосок этой теории сквозит отчасти и в рассуждениях тех защитников смертной казни, которые всячески отрещиваются от теории возмездия, но признают, что существуют такие преступники, к которым единственно применимой мерой воздействия является смертная казнь. Обыкновенно в этих случаях имеют в виду убийство, в отношении которого и отстаивают старый принцип: кровь за кровь. Однако высказывающие этот взгляд отказываются от его последовательного проведения, так как это знаменовало бы возвращение к отдаленным, уже пережитым стадиям культуры, и делают ряд оговорок, указывая на то, что смертная казнь применима не ко всем видам убийства, а только к особым его случаям, к так называемому преднамеренному убийству, понятие которого, однако, не может быть с точностью установлено.

Другие же указывают на то, что такими преступлениями, за которые должна назначаться смертная казнь, являются важнейшие государственные преступления, где особое значение объекта посягательств позволяет приравнивать ему на весах правосудия жизнь преступника.

Но, с одной стороны, если сравнивать друг с другом убийство и смертную казнь, то придется признать, что должного равновесия между этими двумя видами пролития крови нет, так как при воздаянии смертью за убийство всегда получается некоторый плюс, невыгодно освещающий смертную казнь — это убийство, совершенное велением государственной власти, по сравнению с убийством, совершенным преступником. То психическое состояние, которое переживает преступник, приговоренный к смертной казни с момента постановления приговора до момента его исполнения, и в особенности на месте казни, состояние натуры, так мастерски и картинно изображенной нашими писателями, особенно ярко подчеркивает отсутствие равновесия между смертной казнью и убийством. Самая необходимость прибегать к особой обстановке, в которой совершается смертная казнь, к особым приготовлениям к ней придают ей характер такого мучительного и

жестокого наказания, которое и с точки зрения теории возмездия должно признаваться наказанием, несоразмерным убийству, следовательно, несправедливым, а потому и недопустимым.

С другой стороны, что касается посягательств на государственный строй, то современный взгляд на сущность этих деяний не усматривает в них какую-нибудь особенную, выдающуюся их опасность по сравнению с другими преступлениями, как это признавалось прежде, а это заставляет отказаться от применения к ним смертной казни как наказания, которое могло бы соответствовать предполагаемой особой тяжести посягательства этого рода.

Если, далее, стать на точку зрения теории общего предупреждения и иметь в виду эту цель наказания как главную и преимущественную, то следует сказать, что роль смертной казни, как средства общего устрашения или общего предостережения не так велика, как это могло бы казаться на первый взгляд. Всем известно, что рост преступлений не задерживается избытком смертных приговоров, как это легко можно установить на основании простого наблюдения явлений, происходящих сейчас на наших глазах. Вообще же нормально люди воздерживаются от совершения преступлений, влекущих за собой смертную казнь, не потому, что они боятся именно этого наказания, а потому, что ввиду самой ценности объектов посягательств этого рода они без особых преобладающих мотивов на совершение подобных деяний не решаются. К этому следует прибавить, что самый способ правового воспитания масс посредством угрозы смертной казнью представляется совершенно недопустимым в условиях современной культуры и развитой психики современного человека; он до некоторой степени мог бы быть применим в отношении первобытных дикарей, но не в отношении современных людей, доступных иным приемам правовой мотивации.

Но, если с точки зрения общего предупреждения нельзя отметить положительных сторон смертной казни, то, с другой стороны, нельзя не указать на ее отрицательные стороны. Государство, преследуя цель насаждения в гражданах социальных мотивов поведения путем применения к ним особых средств правового принуждения, должно выбрать такие способы своей деятельности, которые производят благотворное влияние на человеческую психику, и избегать таких, которые вызывают обратные результаты. Между тем, применением смертной казни государственная власть способствует лишь развращению общества. Пролитие крови, совершаемое государством, порождает усиление наиболее тяжких посягательств, как результат обесценения человеческой жизни. И государство в этом отношении, конечно, не способствует росту культуры, а задерживает его, прививая психике граждан антисоциальные мотивы деятельности. Переживаемая нами эпоха особенно ясно подтверждает это положение. Наконец, самая необходимость для государства содержать наемного убийцу-палача и совершать легальные убийства с соблюдением

весьма тягостных формальностей должна, естественно, шокировать совесть каждого честного и гуманного гражданина и подрывать в его глазах авторитет государственной власти, прибегающей к таким мерам борьбы с преступностью.

Наконец, что касается специального предупреждения, как цели наказания, то, само собой разумеется, смертную казнь можно защищать, имея в виду лишь цель обезврежения — его достижение наилучшее устранение преступного элемента из общества; ни о цели устрашения преступника, ни о цели его исправления здесь речи быть не может. С этой точки зрения защищают смертную казнь в особенности представители уголовно-антропологической школы, для которых прирожденный преступник, учинивший тяжкое посягательство, — существо настолько невыносимое для общества, что последнее должно считать себя вправе применять к нему смертную казнь. Но почему именно надо прибегать в этом случае для достижения цели обезврежения непременно к смертной казни? Разве другие меры не могут быть использованы с той же целью? Ведь, если иметь в виду идею удаления преступника из общества в ее чистом виде, то, естественно, можно было бы защищать в отношении прирожденных преступников и применение пожизненного лишения свободы. Защита в этом случае смертной казни ясно указывает, что и здесь оказала свое влияние идея возмездия. Прирожденный преступник, совершивший особенно тяжкое посягательство, должен подвергнуться смертной казни потому, что это наказание наиболее соответствует тяжести самого преступления. И здесь, следовательно, начало — кровь за кровь проявляет свое действие. Нужно сказать, однако, что в самое недавнее время защита смертной казни с точки зрения уголовной антропологии поколеблена самим главой и основателем школы Ломброзо, который находит, что для достижения цели радикального устранения преступника надо было бы казнить не то небольшое число преступников, которое обычно подвергается смертной казни, а число, во много раз его превышающее, но это было бы настоящей бойней. «И я думаю, — замечает Ломброзо, — что в наши дни, озаренные светом гуманности, распространяющимся на все живые существа, самый ярый сторонник смертной казни не дойдет до этого».

Таким образом, и при оценке смертной казни с точки зрения специального предупреждения признано необходимым считаться не исключительно только с опасностью самого преступника, но и с социальным значением этого наказания. Но если цель специального предупреждения понимать в смысле цели социального перевоспитания преступника, к чему единственно государство и должно стремиться в своей карательной деятельности, то с этой точки зрения не может быть места для смертной казни в карательной системе.

Оценивая в заключение смертную казнь с точки зрения современного идеала наказания и обращая при этом внимание на те общие свойства, которыми должно обладать наказание, следует отметить одну черту, которая

особенно невыгодно отличает смертную казнь от других наказаний, черту поэтому весьма характерную — ее невосстановимость. Современное государство, сохраняя, с одной стороны, в своей карательной системе смертную казнь, а с другой, — признавая принцип вознаграждения невинно привлеченных к суду уголовному и невинно осужденных, впадает в этом отношении в самое резкое противоречие с самим собой. Если наше правосознание не мирится с понятием вреда от судебной ошибки над человеком, невиновным в случае отбытия им менее тяжкого наказания или простого привлечения к суду, на чем и покоится институт вознаграждения за этот вред, то совершенно немыслимо допущение существования смертной казни ввиду одной возможности случаев судебной ошибки, при которых ни о каком вознаграждении потерпевшего за причиненный ему вред, притом вред самый существенный, не может быть речи.

Итак, подводя итог всему сказанному, следует признать, что смертная казнь есть анахронизм, она не соответствует современной оценке личности, она не оправдывается ни с точки зрения теорий возмездия, ни с точки зрения теорий общего и специального предупреждения, она невосстановима. При таких условиях смертная казнь не может и не должна существовать в современной карательной системе.

А. А. Пионтковский СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В ЕВРОПЕ

Пионтковский Андрей Антонович (1862-1915) — русский криминалист, профессор Казанского университета, представитель социологического направления в русской науке уголовного права. Автор курса лекций по общей части уголовного права (Вып. 1. Казань 1913 г.; вып. 2. Казань 1916 г.). В 1908 году в Казани вышла монография «Смертная казнь в Европе».

Не в пользу казни и ее превентивного значения говорят и массовые статистические наблюдения.

В Тоскане казнь, как известно, неоднократно то отменялась, то вводилась. Наблюдения официального характера показали, что во время отмены казни число преступлений, подлежавших этому наказанию, не возросло. Точно также фактическое неприменение казни в Швеции усилением тяжкой преступности не сопровождалось. Равным образом, окончательная отмена смертной казни в Италии не повлекла за собою увеличения числа тяжких преступлений; так, до законодательной отмены казни в Италии в период с 1880 по 1886 год среднее число ежегодно обнаруженных убийств было 4692, в период с 1887 по 1889 год — 4089, а после 1890 года (времени окончательной отмены казни) оно не только не увеличилось, но даже несколько уменьшилось и в период с 1890 по 1892 год достигало лишь 3993, в период с 1893 по 1895 год — 4043, а в 1896 году — 3866.

Не менее характерны данные, касающиеся Голландии и Бельгии.

В Голландии казнь фактически перестала применяться с шестидесятых годов прошлого столетия, и это ее неприменение не отразилось неблагоприятно на общественной безопасности, не повлекло за собою усиление тяжкой преступности. В 1811-1861 гг. в Голландии было совершено 102 казни, что составляло в среднем две казни ежегодно, и произнесено (в этот же период) 430 смертных приговоров, что составляло 8 приговоров ежегодно, а в 1861-1871 гг. (период фактического неприменения казни) было произнесено 82 смертных приговора, что составляло также в среднем 8 приговоров ежегодно; с юридической же отменой казни число присуждений к пожизненному заключению, заменившему собою казнь, выразилось в следующих цифрах:

Год	Число присужденных к пожизненному заключению	Год	Число присужденных к пожизненному заключению
1871	5	1879	1
1872	5	1880	1
1873	—	1881	—
1874	—	1882	—
1875	—	1883	2
1876	1	1884	2
1877	2	1885	2
1878	1		

И это неусиление роста тяжкой преступности в Голландии продолжается до наших дней, носит прочный, устойчивый, неизменный характер. В последние годы в Голландии присуждают к пожизненному заключению крайне редко; так, в 1902 и 1903 годах не было ни одного случая такого присуждения, в 1904 году был только один случай.

В Бельгии казнь, как известно, фактически не применяется с 1863 года. Это ее неприменение оказалось вполне удачным; оно не принесло никакого вреда ни общественной безопасности, ни военной дисциплине и не привело к усилению тяжкой преступности. В период, например с 1841 по 1855 год был произнесен 191 смертный приговор (и совершено 43 казни), а в период с 1876 по 1890 год было произнесено таких приговоров только 124 (и ни один не был приведен в исполнение) несмотря на то, что к этому времени население Бельгии возросло чуть ли не на 50%.

Что касается Португалии, то уже через тринадцать лет после отмены смертной казни в этой стране, в 1880 году официально указывалось, что факты свидетельствуют о все более и более прогрессирующем уменьшении тяжких преступных деяний, за которые прежде полагалась казнь.

Словом, нигде неприменение или окончательная отмена не влекли за собой усиления роста тяжкой преступности, не сопровождались какими-либо вредными для дела борьбы с преступностью последствиями.

В. Д. Набоков

Набоков Владимир Дмитриевич (1869-1922) — русский криминалист и политический деятель, профессор уголовного права. За выступления на процессах в защиту обвиняемых царским судом в 1904 году был лишен придворного звания камергера, а за корреспонденции по делу М. Бейлиса привлечен к суду. (Дело Бейлиса — судебный процесс, организованный царским правительством и черносотенцами по клеветническому обвинению в убийстве.) Один из основателей конституционно-демократической партии.

Не отрицая огромного значения уголовно-политической точки зрения при разрешении вопроса о смертной казни, вполне соглашаясь с тем, что и в науке, и в законодательных собраниях она должна быть настойчиво выдвигается, я, однако, полагаю, что в настоящее время вопрос должен быть переставлен на **этическую** почву. Нужно осознать, что помимо соображений философского и уголовно-политического характера, говорящих с полной убедительностью против смертной казни, ее этическая недопустимость имеет бесспорное и решающее значение.

Еще в конце XVIII века вполне возможны были споры о целесообразности **пытки**, как вернейшего средства отыскания истины в уголовном процессе. Известный криминалист Muyart de Vouglans (1767 г.) доказывал, что на одного невинного, подвергнутого в течение ста лет пыткам, приходится тысячи таких, которые без применения этого средства остались бы безнаказанны, совершив тяжкие преступления; что пытка должна быть сохранена потому, что еще не придумано в замену ее достаточно действенного и подходящего средства; наконец, он ссылаясь на древность и общераспространенность пытки.

Возможно ли себе представить, чтобы теперь кто-нибудь согласился принять спор на этой почве и доказывать, что пытка — плохое, нецелесообразное процессуальное средство? Если еще Александр I провозгласил, что самое выражение пытки, «стыд и укоризну человечеству наносящее», должно быть навсегда изгнано из памяти народной, то для людей XIX и XX веков показалось бы совершенно нелепым спорить о процессуальных достоинствах пытки. Раз в общественное сознание вошло и прочно в нем укоренилось представление об этической недопустимости пытки, выраженной в прекрасных словах императора Александра I, всякий спор о целесообразности, о праве на применение пытки, утрачивает свой смысл.

Другой пример — крепостное право, институт рабства вообще.

Раз люди поняли, что обращение одного человека в собственность другого этически недопустимо, спор о достоинствах или недостатках крепостного права может иметь лишь академическое, историческое значение.

В течение XIX века этика культурного человечества отвергла квалифицированные виды смертной казни, а также увечающие телесные наказания, и мы теперь посмотрели бы на того, кто вздумал бы требовать возвращения к колесованию, к заливанию горла оловом и т. п. как на сумасшедшего, как на нравственного урода.

К вопросу о смертной казни следует подойти с этой этической точки зрения, которая должна господствовать над всякими соображениями о целесообразности, отодвигая их на задний план. Ответ следует искать не только и не столько в соображениях разума, а прежде всего в велениях и запретах совести. Стоя на этой точке зрения мы скажем, что спор о том, устрашает или не устрашает смертная казнь, должен иметь также мало значения, как аналогичный спор о пытке или об увечающих телесных наказаниях. С этой же точки зрения, если бы даже удалось добиться полного устранения судебных ошибок, если бы юстиция стала непогрешимой, это бы не прибавило ни йоты в пользу смертной казни, ибо не заглушило бы протеста нравственного чувства.

Сознание же этической недопустимости смертной казни достигается не столько логическими рассуждениями, сколько апеллированием к этому нравственному чувству, к совести культурного человечества.

Первый из ораторов, говоривших во французской палате по вопросу о смертной казни, сделал одно любопытное указание. Он сослался на анкету, сделанную одним из его коллег среди французской магистратуры. Анкета эта показала, что все те, кто отрицательно относится к смертной казни, бывали свидетелями ее приведения в исполнение, и наоборот, ни один из ее защитников никогда не присутствовал при ней. Это наглядный пример того, как нравственное чувство может быть разбужено непосредственным восприятием.

Целый ряд признаков свидетельствуют об истинном отношении этого нравственного чувства, не заглушенного вековой тяжестью традиционных предрассудков, обывательским равнодушием, человеконенавистническими внушениями. В былое время смертная казнь отправлялась публично, в праздничные дни, на глазах массы народа, с пышной торжественностью. Теперь вся обстановка свидетельствует о том, что творится ужасное и отвратительное дело. Присутствие при исполнении казни для лиц обязанных — тяжелое, зачастую невыносимое испытание. Известны случаи душевной болезни, развившейся у таких невольных свидетелей, под влиянием впечатлений на месте казни.

Инстинктивный протест нравственного чувства сказывается и в отношении к палачам. У нас в России палач никогда не был официальным лицом, и в нашей государственной росписи мы тщетно стали бы искать те кредиты, которые были вычеркнуты из французского бюджета. Для выполнения

смертных приговоров власть должна прибегать к услугам отвергнутых людей, потерявших последний остаток нравственного чувства. Да и эти люди, часто лишь доведя себя вином до почти полной невменяемости, оказываются способными выполнить до конца свое дело...

В нашей русской литературе — не юридической, а художественной — эта именно сторона смертной казни выражена с потрясающей силой и яркостью. Немного страниц Тургенева («Казнь Тропмана»), Толстого (рассказ Крыльцова в «Воскресении»), Достоевского (рассказ князя Мышкина в «Идиоте») убедительнее и неотразимее тысячи ученых сочинений и столбцов статистических цифр. Они не **доказывают**, они **показывают**, и в этом их сила. С ними нельзя спорить: можно только зажать уши и зажмурить глаза...

Вот в каком направлении желательна и плодотворна дальнейшая борьба. Пусть не возражают, что она таким образом переносится в область чувства, рассчитывает бить по нервам, тогда как и чувства и нервы притуплены. Апеллируя к этике, стремясь будить дремлющий голос совести, мы служим высшим задачам человечества.

Более чем когда-либо, в России нужны великие усилия в этом направлении.

Аболиционисты XIX века для более успешной борьбы против смертной казни вывели вопрос из области абстрактных философствований и, поставив смертную казнь на уровне прочих наказаний, доказали ее уголовно-политическую несостоятельность. Настало время для нового фазиса: смертная казнь должна быть вновь выведена из общей системы карательных мер во имя требований этики. Во имя этих требований должен быть предъявлен отвод против уголовно-политического спора. Смертная казнь не может более признаваться мерой правосудия: она лишь остаток старого варварства, пятно на человечестве, «стыд и укоризну» ему наносящее.

Задача современных аболиционистов — заразить все общество духом омерзения и ужаса перед этим варварством, добиться того, что оно в общественном сознании будет заклеено.

Как рабство, как пытка, как увечные наказания смертная казнь будет изгнана из законодательства не теоретическими только рассуждениями, а немолчным, все растущим и всех охватывающим протестом возмущенного нравственного чувства.

Е. Н. Ефимов

Ефимов Евгений Николаевич, русский криминалист, доцент кафедры уголовного права Московского университета. Автор крупной монографии «Природа преступления». Часть 1. Естественнаучная теория преступления. М., 1914.

«Не надо быть пророком, чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнет из уголовных кодексов».

В 1902 году проф. Таганцев снова повторил слово в слово свое предсказание. А через три-четыре года потоком полилась кровь казненных, и за последние два года убито на законном основании почти втрое больше числа верстовых столбов от Москвы до Петербурга. Предсказание не сбылось. Где же ошибка? Предсказатели неверно ли оценили факты и произвольно заключили от них к будущему, или прогресс науки мнимый: в ее изысканиях о смертной казни допущены логические ошибки, подчеркиваемые теперь кровавыми чернилами сухим учителем — жизнью? Нет, наука не виновата в несбывшихся мечтах благородных предсказателей. В течение 143 лет со времени издания «О преступлениях и наказаниях» Беккариа она трудилась над разрешением проблемы неутомимо, честно, с борьбой и сделала все, чтобы разрушить эту «последнюю, важную позицию» варварского уголовного права. И, думается, нового здесь сказать уже нечего. Просмотрите речи в нашей Государственной Думе, во французской палате — в них нет ничего, что не было бы уже сказано с трибуны или в печати. В области теоретической оценки этого вида наказания все измерено, взвешено и определено. Логика исчерпала свои средства, и, тем не менее, смертная казнь продолжает свое очевидно антилогическое существование. Не логика, следовательно, является законом развития и смерти этого «гнусного» учреждения. Вот почему, между прочим, нельзя упрекать и наших предсказателей за их несбывшиеся предсказания: в руках ученого и философа есть единственное средство познать и оценить явление — логика. Но ей-то и не поддается смертная казнь.

В своем классическом исследовании проф. А. Ф. Кистяковский подчеркивает, что смертная казнь до сих пор сохраняется в законах и в практике потому, что еще не угасли окончательно те элементы и силы, которые ее создали и питают. Каковы эти силы, он с полной определенностью установил для времени, предшествующего его работе. Это — рабство в той или другой форме, привилегии меньшинства, усугубляемые помилованием, снисхождением судьи вследствие кастового пристрастия, господством духовенства и т. д., словом, обобщая содержание исследования в выражениях самого же автора, те учреждения, которые ценность жизни одних — меньшинства — подымают высоко, жизнь же других — большинства — ценят дешевле жизни кролика, зайца, голубя, куропатки.

Таким учреждением у нас, так сытно питающим смертную казнь в XX веке, является государство в русском смысле слова, то есть организованный союз 130 000 семейств, для которых остальные десятки миллионов людей — лишь питательное вещество, и ценность этих людей определяется не их человеческим достоинством, но степенью их питательности. Я не могу входить в анализ, простой по своей консистенции, структуры этого государственного образования; отмечу лишь, что для него характерны то равнодушие, с которым оно относится к преступлениям в среде этих миллионов людей, снисхождение к преступлениям членов государства против последних и неумолимая жестокость за преступления последних против первых, хотя эмблемой правосудия остается все та же Фемида, правда, без повязки на глазах. Но это усовершенствование необходимо, чтобы увереннее действовать тем, что заменило в ее руке весы — виселицей. Но есть еще одна черта, чрезвычайно типическая — это стремление присвоить себе «право», фактически впрочем осуществляемое, казнить людей без закона, без суда и без следствия, то есть просто по встретившейся надобности; таков по крайней мере смысл рапорта варшавского генерал-губернатора от 18 ноября 1906 г. за № 2627. В старой Франции существовал закон, каравший смертью крестьянина за убийство зайца, кролика и т. д. в господском парке. Жизнь человека была там, следовательно, равноценна жизни этих животных. Цена невысокая, но все-таки имелся эквивалент. У нас пошли дальше: смертная казнь применялась в случаях, неосязаемых ни для гражданского, ни для военного прокурорского надзора, то есть ценность человеческой жизни понизилась до нуля. Эта черта интересна потому, что свидетельствует об утрате государством сознания о дозволенном и недозволенном в нравственном отношении.

Другой источник, питающий ее, такой же богатый, как и первый, но более печальный и угрожающий — это прогрессирующее понижение субъективной ценности жизни и чувства человеческого достоинства в массе. Свидетельств этого факта много, но я укажу лишь на колоссальную эпидемию самоубийств, дающую еще более грандиозный поток смертей, чем казнь. Но как же человек может заставить уважать свою жизнь, если он сам ее не ценит? Причины этого явления, конечно, сложны, но мне кажется, они не исчерпываются современной политической и экономической слабостью русского человека. В нем самом есть недочет, убыль идеализма, — единственное, что делает зоологического человека человеком — личностью, повышает субъективную ценность жизни и дает ей силы чтобы внушить к себе уважение. Вот почему усилия друзей человечества должны быть направлены не на отыскание новых аргументов против смертной казни, но на поднятие самосознания и чувства человеческого достоинства в массе: обществу, члены которого умеют только умирать, грозит худосочие; а худосочие представляет благодарную почву для болезненных, часто смертельных, процессов. Освободиться от них можно только подъемом жизненных сил организма.

В. Д. Спасович

Спасович Владимир Данилович (1829-1906) — русский юрист, специалист в области уголовного права, профессор Петербургского университета.

Спасович автор многочисленных трудов в области уголовного права и процесса, в которых выдвигал требования пересмотра архаичного русского права в целях его приспособления к новым буржуазным отношениям. После судебной реформы 1864 года Спасович — один из первых русских присяжных поверенных, участник многих известных процессов. Он возражал против крайне суровых наказаний, особенно смертной казни. Автор широко известного учебника уголовного права, вышедшего в 1863 году в двух частях: Общая и Особенная.

По уверению ее защитников смертная казнь имеет одно только качество хорошее, но в такой степени, что она им превосходит все другие наказания: она весьма примерна, необыкновенно устрашительна, так что в этом отношении не может быть никакого сравнения между нею и тягчайшим из следующих за нею наказаний — пожизненным заключением. Как ни мрачна и безотрадна жизнь вечного узника, все-таки представление об этом заключении не заставляет стынуть кровь в жилах, не продирает так по коже, как представление о смертной казни. Когда смертная казнь будет вычеркнута из ряда наказаний, то вся система уголовная пошатнется и не будет достаточным образом защищать общественный порядок, — таков корень, таково главное основание смертной казни.

Я много раз старался доказать незаконность этого терроризма, невозможность употреблять преступника как орудие для производства посредством его страдания известных впечатлений на других лиц. Но сделаем здесь уступку, положим, что можно кого-нибудь казнить ради одного только примера, дабы и «иным не было повадно так делать», как выражалось Соборное уложение 1649 года. Но и при допущении этого предположения придется призадуматься, потому что устрашительность смертной казни весьма сомнительна...

Преступления политические появляются всего чаще только в организациях политических больных и служат верным патологическим признаком не вполне удовлетворительного государственного устройства. В каждом народе есть группы, партии, направления; в каждом народе идет нескончаемая борьба между сталкивающимися противоположными интересами; борьба этих партий и интересов составляет сам процесс жизни народной; каждая же партия представляет собой известную потребность, ощущаемую народными массами. Когда общество так устроено, что известным потребностям — естественным, вытекающим из природы человека и из общежития, нет

никакого удовлетворения и выхода, тогда с обществом происходит то же, что с котлом без клапанов и отверстий, который наполнен паром: котел этот будет взорван силою пара.

Та партия, которая представляет собой известную неудовлетворенную потребность, становится в положение враждебное в отношении к общественному устройству; из нее поминутно выскакивают лица, прибегающие к насилию для разрушения несносного для нее порядка вещей. Общественная власть, видя в них смертельных врагов, казнит их по обезоружении смертью, дабы запугать остальных, причем она ошибается, потому что в казнимых лицах она думает и хочет поразить ту идею, которую они представляют. Но известно, что идея неосязема. Корень будущих преступлений останется по снесении с плеч той или другой буйной головы; этот корень будет пускать все новые и новые побеги.

И. Я. Фойницкий УЧЕНИЕ О НАКАЗАНИИ

Фойницкий Иван Яковлевич (1847-1913) — известный русский ученый-юрист, специалист в области уголовного права, уголовного процесса и тюрьмоведения. Профессор Петербургского университета с 1871 по 1913 год, сенатор, член правительственной комиссии по разработке проекта Уложения о наказаниях 1903 года. Одним из первых среди русских криминалистов начал заниматься проблемами социологии уголовного права. В 1895 году организовал русскую группу Международного союза криминалистов. Наиболее крупные работы: *Учение о наказании в связи с тюрьмоведением* (СПб., 1889); *Ссылка на Западе* (СПб., 1881); *Уголовно-правовая доктрина о соучастии* (СПб., 1891); *Мошенничество по русскому праву* (СПб., 1871); *Курс уголовного судопроизводства. Т. 1* (СПб., 1884); *Т. 2* (СПб., 1897).

Из кн. Фойницкий И. Я. *Учение о наказании в связи с тюрьмоведением*. СПб., 1889.

Оценка смертной казни. Но, однако, и до сих пор вопрос о смертной казни дает повод к разногласиям между криминалистами и далеко еще не покончен. Если не подлежит сомнению, что, в отношении историческом, институт смертной казни вымирает, то само собою ставится вопрос: желательно ли такое вымирание?

При таком **логическом** рассмотрении, вопрос о смертной казни распадается на вопросы:

1) имеет ли государство **право** наказывать человека смертью, отнимать у него самое драгоценное благо его — жизнь?

2) **необходима** ли смертная казнь, или можно обойтись без нее? Нет ли мер, приводящих к той же цели более легким способом и, следовательно, более предпочтительных?

I. **Право** государства отнимать жизнь у преступников отрицалось с двоякой точки зрения: 1) религиозной и 2) философской.

1) Не подлежит сомнению, что **христианская религия** относится враждебно к смертной казни. Это выразилось в первоначальном положительном праве западной церкви, в основу которого лег известный принцип: *ecclesia abhoret sanguinem*¹⁹). Но принцип этот выставлялся христианскою церковью в тот период, когда она находилась в небольшом числе преследуемых; когда же на западе христианство сделалось господствующим, она мало по малу стала забывать его; она даже начала пользоваться смертною казнью, как оружием против неверующих. Правда, и

¹⁹) Церковь не выносит крови.

в этот период она сама не обагряла своих рук кровью, но покорною слугой ее и исполнителем смертных приговоров было государство, которое применяло это наказание для своих и ее целей. Отдельные сектанты и после того от времени до времени восставали против права государства наказывать смертью. Так, в XIII столетии секта вальденцев выставила отрицание смертной казни одним из главных положений своего исповедания; в XV столетии религиозный сектант Социн доказывал несправедливость смертной казни, и так резко высказывался против нее, что ему счел долгом возражать знаменитый немецкий криминалист Карпцов; английские сектанты XVII столетия восставали против смертной казни с точки зрения недопустимости для государства права лишения жизни, как права, принадлежащего только Богу, и как меры, лишаящей преступника возможности искупить свою вину. Однако сила этих доводов для вопроса о праве государства наказывать смертью серьезного значения не имеет. Государство есть институт земной, призванный служить земным целям; если для достижения этих земных целей необходимо применение тех или других мер, то вопрос о том, какие именно меры должны быть предпочтены, может быть разрешен только на основании их пригодности и необходимости. Христианское начало воздания добром за зло не может быть положено в основу никакого кодекса.

2) Против права смертной казни возражали те **философские теории**, которые выходили из идеи естественного происхождения прав и договорного образования государства. Так, Фихте не признает за государством права применения смертной казни по следующим соображениям. Люди слагаются в общества по добровольному соглашению, с целью обеспечить себе ту безопасность, которой они не имели в первобытном состоянии. Для этого каждый отказывается от частицы прежней естественной безопасности, и из этих частиц слагается право общества на принятие известных мер для охранения общей безопасности. Каждый, вступая в общество, дает этому обществу право изгнать его, буде он нарушит общественную безопасность; право на лишение жизни не может быть уступлено обществу; что касается других, более легких мер, то они применяются в силу нового договора, на том основании, что изгнание иногда является мерой слишком тяжелой. Эти доводы отпадают с отпадением самого их основания, т. е. с отпадением фикции договорного образования государства и естественного происхождения прав личности.

Отрицать право государства на смертную казнь невозможно; если, для ограждения безопасности, государство может требовать от граждан, чтобы они жертвовали своею жизнью на войне, если, следовательно, ему принадлежит право распоряжения жизнью невинных, то тем более оно принадлежит ему по отношению к виновным.

II. Совершенно иначе ставится вопрос, насколько смертная казнь **необходима** для осуществления целей государства.

В пользу смертной казни приводили: ее устрашительное значение, ее необходимость для удовлетворения народному чувству справедливости и ее

необходимость в видах обеспечения государственной и общественной безопасности. Но все эти доводы падают при ближайшем рассмотрении их.

1) Пытались оправдать смертную казнь тем, что она есть мера наиболее устрашительная и потому лучше всего ограждающая общество; страх подвергнуться смертной казни заставляет человека воздерживаться от преступления именно потому, что это наказание направлено на самое дорогое благо его — жизнь, При рассмотрении этого довода нужно различать в устрашительном качестве смертной казни два момента: устрашение угрозы и устрашение самого исполнения.

Устрашительное значение **угрозы** смертной казни для готовящегося совершить преступление ныне представляется ничтожным, потому что между угрозой и действительным исполнением оказывается целая пропасть; существует масса шансов избежать смертную казнь; припомним, что из постановленных судами приговоров едва 1/10 приводится в исполнение; а для того, чтобы приговор был постановлен, нужно, чтобы виновный был задержан, привлечен к ответственности, признан виновным и т. п.; так что можно сказать, что из тысячи человек, на которых распространяется угроза смертной казни, едва 5, 6, много 10, будут ей в действительности подвергнуты. Устрашительное значение угрозы смертной казни для **всего населения** равным образом представляется недоказанным; цифра преступлений не увеличивается там, где законодатель воздерживается от этой меры, и наоборот. Притом, население не всегда знает, за какие деяния закон грозит смертной казнью; иногда условия ее применения поставлены так тонко юридически, что простой, необразованный человек не может и понять их.

Что касается устрашительного значения **исполнения** смертной казни, то нужно различать влияние ее, с одной стороны, на наказываемого, с другой — на население или толпу, присутствующую при совершении казни. На **наказываемого** она имеет страшное влияние: уже постановление приговора о смертной казни отражается на духовной стороне человека чрезвычайно глубоко. Но при этом возможны значительные различия в ее проявлении. Иногда человек, под влиянием близости смерти, раскаивается в прежней деятельности, желает примириться с Богом и людьми; это значит, что устрашение подействовало, и тогда подвергнуть его смертной казни было бы несправедливо. Иногда человек в последнюю минуту начинает чувствовать животное желание жизни, животный страх расстаться с нею; были примеры, что под влиянием такого страха осужденный вступал в личную схватку с палачом, его приходилось силой тащить на казнь; все это производило на лиц, окружающих эшафот, тяжелое, в высшей степени неэстетическое впечатление. Итак, момент исполнения смертной казни, без сомнения, устрашителен для подвергаемого ей; это общее правило; но есть исключения; есть случаи, когда человек совершает какое-нибудь преступление по убеждению, из фанатического служения идее, и тогда необходимость пожертвовать жизнью, то есть высшим благом, которое он

имеет, возвышает его в его собственных глазах; в этом случае смертная казнь не имеет никакого устрашительного значения. Точно так же, как показывает опыт, она не имеет устрашительного значения и для разряда лиц, являющихся «героями каторги и эшафота»; они стараются показать, что с презрением принимают от общества эту кару. Что касается устрашительного значения исполнения смертной казни на толпу, то в этом отношении сделаны любопытные наблюдения; в Англии замечали, что на ту же площадь, где происходила казнь, собирались карманные воры и совершали кражи в то самое время, когда за воровство вешали. По отзывам некоторых священников английских тюрем, им были известны целые семейства, где дед, отец и сын кончали жизнь от руки палача и где, следовательно, смертная казнь никакого устрашительного значения не имела. Мало того: влияние ее на общество скорее отрицательное, развращающее; в то время, когда во Франции наиболее деятельно работала гильотина, этот инструмент, в виде игрушки, был в каждом семействе; дети для забавы гильотинировали птиц, собак, кошек и т. п. Все это показывает, что смертная казнь производит действие, противоположное тому, которое от нее ожидают. У лиц, которые окружают эшафот, появляется сожаление к наказываемому, или, напротив, грубые насмешки, издевания. Весьма нередко, особенно при несовершенстве инструментов, палачу не удается сразу и со всею точностью исполнить акт лишения жизни: рвется веревка, скользит топор; осужденного приходится лишать жизни в несколько приемов; это в толпе возбуждает неудовольствие против казни и суда, что, конечно, в высшей степени нежелательно. И нельзя сказать, что эти случаи составляют редкое исключение; в прежнее время выработалась даже практика, что если кто сорвется с петли, тот уже вторично не подвергается казни, ибо, в противном случае, тяжесть казни была бы удвоена, смертная казнь стала бы квалифицированной. Развращая грубые элементы населения и разжигая в нем самые несимпатичные инстинкты, зрелище смертной казни представляется зрелищем в высшей степени тягостным для культурного человека нашего времени, привыкшего уважать личность, зрелищем крайне неэстетическим, противоречащим всему его мировоззрению. Таким образом, ближайшее исследование расшатывает прежнее убеждение в устрашительном действии смертной казни на толпу; этим объясняется и тот существенный переворот, который произошел в способе исполнения смертной казни; прежде она исполнялась всенародно, на высоком эшафоте, на площади; народ даже насильственно сгонялся на площадь для присутствия при казни. Ныне, напротив, публичное исполнение смертной казни более и более оставляется; начало этому новому порядку положили некоторые штаты Северо-Американского Союза; постепенно непубличное исполнение смертной казни, в стенах тюрем, вводится и в Европе: в 1857 г. его приняла Пруссия, за нею последовали другие германские государства; с 1868 г. она применяется в Англии, с 1881 г. — в России. Этот переход от публичного исполнения смертной казни к

непубличному свидетельствует о коренном изменении во взгляде законодателя на это наказание; он доказывает, что вера в устрашительное значение смертной казни утрачена и что осознано вредное ее влияние на толпу. Но и теперь у подножия эшафота остается ех officio несколько лиц, принадлежащих обыкновенно к высшему, культурному обществу; в какое тяжелое положение ставятся эти лица! Опыт показывает, что большую частью обязанные присутствовать при совершении казни стараются отделаться от этой обязанности.

2) Говорят далее, что смертная казнь необходима, как мера единственно **справедливая** за некоторые тяжкие деяния; что обложение этих деяний другими наказаниями противоречило бы народному чувству справедливости; что хотя прежнее начало уголовной справедливости, требовавшее око за око, зуб за зуб, и отошло в вечность, но что и доныне человек, совершивший убийство, проливший кровь другого, по народному воззрению должен пролить свою кровь; что законодатель обязан преклоняться перед этим чувством народной справедливости и за убийства назначать смертную казнь. Этот довод приводится представителями абсолютных теорий, и приводится именно по отношению к предумышленному убийству, которое, по их мнению, не может быть погашено ни чем иным, как смертью. Но самая ссылка на чувство народной справедливости есть ссылка на нечто весьма неопределенное; сила ее ослабляется тем уже, что в различных государствах смертною казнью облагаются различные преступления; если чувство народной справедливости с такою настойчивостью требует во Франции смерти матери, убившей своего незаконного ребенка, то почему оно не требует ее в других странах за то же преступление? Опыт показывает, что в странах, где смертная казнь на время была отменена, к такому порядку привыкают, и тогда народное чувство даже противится восстановлению ее (так было в Тоскане). Требует ли у нас народное чувство смертной казни за предумышленное убийство? У нас, правда, слышатся голоса из народа, требующие применения смертной казни, но за совершенно другие преступления, между прочим, за конокрадство; да и эти голоса настолько не определены и не проверены, что не могут служить доказательством необходимости такой меры; наказание, как институт, призванный служить государственным целям, должен покоиться на более прочных основаниях.

3) Аргументируют еще в пользу необходимости смертной казни за политические преступления соображениями **государственной безопасности**. Было время, действительно, когда государства не могли обойтись без смертной казни по отношению к таким преступлениям, но это было в эпоху, когда они носили характер династических посягательств против власти. При династическом характере этих преступлений они концентрировались около известной личности; пока существовала эта личность, оставалась опасность для государства, и меры более легкие, чем смертная казнь, были недостаточны; притом, с уничтожением главы

распадалась вся партия; в это время применение смертной казни к политическим преступникам могло еще быть оправдано. Но теперь политические преступления группируются не около личности, а около идеи; отдельные лица являются лишь более или менее убежденными носителями известной идеи; между тем, идея не уничтожается с уничтожением личности; на место казненного являются новые приверженцы данной идеи, готовые бороться за нее. Отсюда вытекает, что смертная казнь ныне и по отношению к политическим преступлениям не может приносить той пользы, какую быть может приносила прежде. Нужно прибавить к этому, что при изменившемся характере политических преступлений, характеризующем наше время, применение государством крайних мер самоохраны для него самого невыгодно: оно обостряет чувство недовольства, увеличивает ряды недовольных, возбуждая сочувствие к казненному; притом, фанатиков идеи угроза эшафота остановить не может. Заметим далее, что самая оценка преступности или непроступности данных деяний политических подлежит наиболее сильным колебаниям; с изменением правительства, даже с изменением министерства, преступления, считавшиеся наиболее тяжкими, низводятся на степень незначительных проступков или деяний безразличных. Этим и объясняется, что многие законодательства отказались от применения смертной казни именно за политические преступления.

4) Приводят еще тот довод, что смертная казнь необходима для обеспечения **общественной** безопасности; говорят, что наказание должно ограждать общество от всяких преступных посягательств; эту задачу обыкновенно берут на себя нормальные наказания, которые и достигают преследуемую цель по отношению к преступникам исправимым; но иначе ставится вопрос по отношению к неисправимым: если можно с уверенностью сказать, что данный преступник совершенно неисправим, то для ограждения от него общества остается единственная мера — лишить его жизни. Таков довод, приводимый ныне преимущественно итальянской антропологической школой. Согласно этому взгляду, таким образом, смертная казнь должна применяться к неисправимым; но является вопрос: какие из преступников должны быть признаны наиболее неисправимыми, те ли, которые совершили наиболее тяжкие преступления? Наблюдения показывают, что, наоборот, наиболее неисправимым представляется класс мелких воришек, подготовленных к преступной жизни праздностью и пороком. И если допустить, что смертная казнь нужна для неисправимых, то это привело бы к тому, что она должна применяться не за тяжчайшие преступления, а, напротив, за преступления наиболее легкие. Для юриста этот вывод из приводимого аргумента представляется достаточным, чтобы уничтожить силу самого аргумента. Но антропологическая школа перед таким выводом не останавливается; она говорит, что хотя эти деяния в отдельности не опасны, но они рисуют человека опасным для общества, такой человек и должен быть уничтожен. Нужно заметить, что антропологическая школа рекомендует для неисправимых, как нормальное наказание, пожизненное

заклучение и ссылку; так что остается невыясненным, каких именно лиц этой категории она желала бы подвергнуть смертной казни, каких — пожизненному заключению или пожизненной ссылке.

Таким образом, те соображения, которые приводятся в пользу смертной казни, оказываются не выдерживающими критики. Вполне признавая **право** государства применять смертную казнь, нужно признать, что **необходимость** ее далеко не доказана.

III. К этим отрицательным доводам должны быть присоединены положительные недостатки, категорически говорящие против смертной казни.

1) Она неделима, представляется наказанием безусловно-определенным и потому не допускает индивидуализирования.

2) Она действует развращающим образом на население, являясь во многих случаях школой грубости и зверства; приводит она, следовательно, к результатам, диаметрально противоположным тем целям, для которых существует.

3) Она невосстановима и неотменима, а это в высшей степени важно на случай судебных ошибок, которые, несмотря на всевозможные предосторожности, неизбежны. Правда, что этот довод не имеет решающего значения: с одной стороны, государство может игнорировать возможность судебной ошибки, приняв меры к тому, чтобы таковые случались как можно реже, с другой стороны — и все иные кары (кроме денежных взысканий), также не вполне восстановимы. Но, однако, наименьшею восстановимостью отличается все-таки смертная казнь.

4) В прежнее время прибегали к смертной казни, как наказанию, наиболее простому по способу исполнения и наиболее дешевому; в лицах, исполнявших смертную казнь, недостатка не было; такие лица пользовались почетом; палач был исполнитель воли божества, и за функцию эту брались жрецы или уважаемые должностные лица; были случаи, что царствующие особы принимали их на себя. Ныне трудно найти человека свободного, честного, который пошел бы в палачи; их приходится рекрутировать из лиц, приговоренных к смертной казни и освобожденных от нее под условием быть палачом; у нас прежде освобождали от тяжких телесных наказаний под этим условием. Общество затворяет перед палачом все двери, ему приходится жить за чертой города. Если бы возложить эту обязанность на военнослужащих, то это составило бы самую тяжелую из всех их обязанностей.

5) Вместе с тем, совершенно голословным оказывается положение, будто смертная казнь самое дешевое наказание. Действительно, эшафот, веревка и пр. стоят недорого, самое исполнение казни обыкновенно не трудно; но если принять в расчет человеческую жизнь, которая представляет в высшей степени важную экономическую ценность, притом ценность, более и более возвышающуюся, то окажется, что смертная казнь есть крайне невыгодное в экономическом отношении, крайне дорогое наказание.

Итак, смертная казнь представляется в высшей степени тяжкою мерой, направленной к достижению таких последствий, которые могут быть достигнуты в нормальном порядке жизни, при помощи мер более легких. Смертная казнь есть несомненно институт вымирающий; она должна совершенно уничтожиться, это — необходимое заключение, к которому приводит историческое рассмотрение этого института. Если можно в настоящее время говорить о сохранении смертной казни, то исключительно как меры крайней, применимой в ненормальные эпохи государственной жизни, когда государство подвергается опасности во время войны и вступает в критический фазис своего существования. Шпионы, изменники, были и будут подвергаемы смертной казни; против этого ничего нельзя сказать до тех пор, пока будет существовать война. Государство в военное время находится в исключительных обстоятельствах; оно не может заводить длинных судебных процедур, оно не может отправлять осужденных в места заключения, так как и места заключения тогда небезопасны; самая тяжесть преступлений в это исключительное время представляется значительно высшей, и опасность отдельной личности для государства доходит до такой степени, какой она никогда не может представлять в другое время. При нормальных же условиях существование смертной казни не может быть оправдано; она излишня, нецелесообразна, а следовательно, и несправедлива.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФЫ И ПУБЛИЦИСТЫ:

Вл. С. Соловьев. О смертной казни	3
Н. А. Бердяев. Казнь и убийство	15
С. Н. Булгаков. О смертной казни	17
В. В. Розанов. Лукавые слова	20
П. А. Кропоткин. Наказание смертной казнью	22
П. Д. Боборыкин. Законное злодейство	25

МНЕНИЯ РУССКИХ КРИМИНАЛИСТОВ:

М. Н. Гернет. Смертная казнь и общественное мнение	31
Н. С. Таганцев. По законопроекту об отмене смертной казни	46
Г. С. Фельдштейн. Противники смертной казни	54
А. Ф. Кистяковский. Исследование о смертной казни	57
А. А. Жижилenko. Наказание	67
А. А. Пионтковский. Смертная казнь в Европе	72
В. Д. Набоков.	74
Е. Н. Ефимов.	77
В. Д. Спасович.	79
И. Я. Фойницкий. Учение о наказании	81

Сборник “Против смертной казни”

Источник текстов:

“Смертная казнь: за и против”. Сост. О. Ф. Шишов, Т. С. Парфенова. М., «Юридическая литература», 1989.

На обложке:

И. Е. Репин. “Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных”, 1895.

Редактор: Адаменко В.В.
Эл. адрес: adamenko77@gmail.com

Макет создан: 27.08.14
Сдан в печать:

Тир. 999 экз.